

1 стр. Приветствие ЦК ВКП(б) и СНК Союза ССР работникам советской кинематографии. ПЕРЕДОВАЯ. Выборы партийных органов, Зинаида ОРДЖОНИКИДЗЕ. Тетрадь Серго. ИНФОРМАЦИЯ.
2 стр. В. КАПЛАН. Три вопроса, Анна АНТОНОВСКАЯ. Бор. ЧЕРНЫЙ, Эрджикиев, З. ХАЦРЕВИН. На правом берегу (рассказ).
3 стр. Литературные споры, Мих. ЛИФШИЦ. В чем сущность спора? Иоганн АЛЬТМАН. Горько-теоретик.
4 стр. МАРИЭТТА ШАГИНЯН. Забытые кадры. Литературные споры, Е. УСНЕВИЧ. Авторитеты, Борис ГРОССМАН, Всеволод Гаршин.

5 стр. Эдуард ТИССЕ. Двадцать лет. А. ГУРВИЧ, Александра Соколова, ИНФОРМАЦИЯ. Декада белорусского искусства. Поэты и артисты в частях Р. Драма о народном герое. Театр кукол на Камчатке. Рассказы для эстрады.
6 стр. ИНФОРМАЦИЯ. Герцен и Толстой. Как работать с молодыми драматургами. Коллективная книга писателей Грузии. Вечер памяти Теучеж Цуга. Литературный Биробиджан. Столетие первого издания «Кобзаря». Юбилей М. С. Кроковой. Творческий вечер С. Чиковани. Хроника.

Приветствие ЦК ВКП(б) и СНК Союза ССР работникам Советской кинематографии

ЦК ВКП(б) и СНК Союза ССР приветствуют работников Советской кинематографии, отмечающей свое двадцатилетие.

За двадцать лет существования Советской кинематографии одержаны значительные победы. Советское кино выросло в большую идейно-художественную силу и стало могучим средством коммунистического воспитания масс.

ЦК ВКП(б) и СНК Союза ССР призывают киноработников развивать и двигать вперед самое важное и массовое из искусств — кино, давать стране больше высокохудожественных и других нужных для всестороннего культурного подъема трудящихся картин, ярко отображающих историческое прошлое народов СССР и эпоху социализма, прославляющих успех и героические подвиги советских людей, мобилизующих наш народ на преодоление трудностей нашего строительства и на дальнейшую беззаветную борьбу за торжество коммунизма.

ЦК ВКП(б). СНК СОЮЗА ССР.

Выборы партийных органов

Сегодня начинаются очередные выборы партийных органов. Отчеты и выборы являются важнейшим событием в жизни партии, в жизни каждой партийной организации.

Партия Ленина—Сталина строит свою работу на основе демократического централизма. Незыблемыми принципами демократического централизма, проводимыми партией в своей внутренней жизни, являются выборность партийных органов и их периодическая отчетность перед своими партийными организациями.

«Партийные массы, — учит товарищ Сталин, — проверяют своих руководителей на активе, на конференциях, на съездах путем заслушивания их отчетов, путем критики недостатков, наконец, путем избрания или неизбрания в руководящие органы тех или иных руководителей товарищей. Точное проведение демократического централизма в партии, как этого требует наша партия, — безусловная выборность партийных органов, право выставления и отвода кандидатов, закрытое голосование, свобода критики и самокритики. — Все эти и подобные им мероприятия необходимо провести в жизнь для того, между прочим, чтобы облегчить проверку и контроль руководителей партии со стороны партийных масс».

Прошедший год был для советской интеллигенции, как и для всего народа, годом истинно величайших событий всемирно-исторического значения. Однажды за десятилетия назад происходил XVIII съезд партии Ленина—Сталина, съезд, утвердивший величайшую программу построения коммунизма. В сентябре были освобождены от панского ига наши братья в Западной Украине и Западной Белоруссии. Сталинский блок коммунистов и беспартийных одержал новую победу на выборах в местные Советы. Советская интеллигенция все это время упорно овладевала марксистско-ленинской наукой, теорией большевизма.

Партия, правительству, весь советский народ с особенной наглядностью показали свое любовное отношение к нашей советской литературе. С начала прошлого года свыше 180 писателей были награждены за выдающиеся успехи в развитии художественной литературы орденами СССР. Совсем недавно советское правительство утвердило четыре сталинских премии по литературе.

Все это лишний раз подчеркивает, какую ответственность возлагает советский народ на свою литературу, какие надежды она должна оправдать, какую большую и почетную роль призваны сыграть социалистическая литература, советские писатели в деле коммунистического воспитания трудящихся.

Отчетно-выборные собрания в наших писательских партийных организациях должны пройти под знаком развернутой самокритики, чтобы обсуждение отчетов партбюро, партгоров вскрыли все недостатки и мобилизовали каждого коммуниста, всех писателей на дальнейшее успешное выполнение решений XVIII съезда партии.

Наше литературное «хозяйство» необыкновенно сложно. На отчетно-выборных собраниях писателей-коммунистов помимо внутривнутрипартийных вопросов — состояния работы партбюро, идейно-политического воспитания, роста и работы в беспартийных и т. д. — большое место безусловно займут вопросы творческие. Нет особой необходимости доказывать, какое огромное значение могут иметь отчетно-выборные собрания для того, чтобы привлечь все внимание советской литературы к современной теме. Эти вопросы и связанные с ними вопросы идейно-политического роста писателей, овладения марксистско-ленинским, совершенством коммунистов-писателей в художественном мастерстве должны стать предметом страстного обсуждения на отчетно-выборных собраниях.

Указание, сделанные Центральным Комитетом партии по поводу состояния некоторых литературно-художественных жур-

налов, имеют значение для всей нашей литературы. Следовательно, надо в период отчетно-выборной кампании не только глубоко и тщательно обсудить проделанную работу, но и проверить, как выполняются директивы Центрального Комитета партии, решения общих собраний коммунистов.

10 марта 1939 г., в день открытия XVIII съезда ВКП(б), советские писатели в своем обращении к съезду говорили: — Мы хотим, чтобы наша литература выражала идеи коммунизма в безупречной художественной форме, чтобы больше было радостных находок в области темы, образа, сюжета...

Для советского писателя нет ничего более великого и святого, чем бороться в своем пером, и своей жизнью за дело партии, за осуществление тех решений, которые будут приняты открывающимся съездом.

Мы приводим эти слова для того, чтобы еще раз напомнить в первую голову коммунисту-писателю, что он должен осмыслить каждый свой образ с точки зрения коммунизма, а для этого его долг: в совершенстве владеть пером, наукой, теорией марксизма-ленинизма.

Прошедший после XVIII съезда ВКП(б) период особенно важен для нашей партии тем, что в ее ряды пришли многие сотни тысяч новых классов, лучших представителей рабочего класса, колхозного крестьянства и советской интеллигенции. Это стремление передовых представителей народа бороться за коммунизм в рядах большевистской партии нашло также свое яркое подтверждение и в нашей литературной среде. За время после исторического съезда партии коммунистов и беспартийных писателей нашей многопартийной социалистической литературы вступили в ряды ВКП(б). Это — В. И. Лебедева-Кумач, Евг. Петров, Л. Никитин, Перец Маркиш, Л. Клячко, Микола Балдан, Петро Паля, Савед Вургуш, Симон Чиковани, Петрусь Бровка, Кубанячье Малюков и многие другие известные всей стране писатели и поэты.

Однако работа наших партийных организаций с беспартийными писателями во многом еще остается не систематической, главным образом во время общеполитических кампаний. Такие факты имеют место на Украине, в Туркмении в Азербайджане и даже в Москве.

Надо надеяться, что отчетно-выборные партийные собрания обратят серьезное внимание на работу с беспартийными писателями, подвергнут критике тех, кто оторвался от масс, кто занимается, кто не прислушивается к голосу партийных и беспартийных большевиков.

Правильно, по-большевистски провести отчетно-выборные собрания в наших писательских организациях — это значит быть самостоятельным проверить всю свою работу, устранить недостатки, предостеречь и все то, что мешает успешно двигаться вперед. Работа любой партийной организации складывается из повседневной борьбы каждого коммуниста за осуществление директив партии, ее сталинского Центрального Комитета ВКП(б). От каждого члена и кандидата партии, а особенно от писателя-коммуниста, требуется активная, творческая инициатива в выполнении задач, поставленных XVIII съездом ВКП(б).

Наконец, следует помнить, что важнейшим условием в предстоящих выборах — это избрание в руководящие партийные органы вполне проверенных большевиков. Быть избранным в руководящий партийный орган — большая честь для коммуниста. Чтобы быть избранным, надо заслужить доверие масс, быть беззаветно преданным партии Ленина—Сталина, знать свое дело, любить его и понимать его. Наше дело — это советская социалистическая литература, которая служит и должна еще лучше служить коммунизму. Нет сомнения, что на предстоящих выборах писатели-коммунисты возьмут в свои руководящие органы подлинных большевиков, знающих жизнь и любящих литературу — свое кровное дело.

ТРИ ГОДА СО ДНЯ СМЕРТИ Г. К. ОРДЖОНИКИДЗЕ

ТЕТРАДЬ СЕРГО

Г. К. Орджоникидзе.

Это было в 1934 или в 1935 году. Серго был нездоров и работал дома в своем кабинете. В полдень пришел один из работников наркомата — он принес на подпись бумаги. И нахохотался в своей комнате, собралась уходить на работу. Вдруг слышу возмущенный голос Серго: — Зина! Зина! Я вошла в кабинет. Серго сидел за письменным столом. Перед ним лежала толстая черная клеенчатая тетрадь. — Ты знаешь, — сказал Серго, — обращаю ко мне. — Он стал перелистывать ее, и сам удивился, как много успел прочесть, находясь в заточении в Шлиссельбурге...

Серго сидел в Шлиссельбургской камерной тюрьме с октября 1912 г. по октябрь 1915 г. Он был заключен в нелегальные тюрьмы. Но эти три года были для него годами упорной теоретической учебы, подготовкой к дальнейшим решительным боям. Любимыми друзьями Серго в годы заточения были книги вождя пролетариата — Маркса и Энгельса, русских просветителей, демократов, революционеров — Чернышевского и Добролюбова. Он изучал историю нашей родины и историю других стран; в тетрадке, выданной тюремным начальством, сохранился большой конспект по истории средних веков, выписки из прочитанных книг.

Тетрадь датирована 1913 годом, на ней стоит номер второй. По всей вероятности, был и первый номер.

На второй странице помещено стихотворение. Оно замечательно передает и творческую работу и настроение Серго...

Тук... тук... тук...
Миновал обход докучный. Лязгнув
Ключ, гремит засов,
Линется в башню могозвучный,
перевалив блок часов.

Серго поплотью — ни свобода,
Жаркой искрой сквозь гранит к мысли
мысль перебежит.

Тайный зов, тоску, невзгоде
Сердце сердцу протучит:
Тук... тук... тук!
Условный звук,
Звук ответный, стук ответный,
Говор азбуки заветной,
Голос камня: тук-тук-тук!
Голос друга: «Здравствуй, друг!
Я томлюсь во мраке ночи,
Носит грудь, не видит очи,
Одолов меня несут...
Слышу смерти приближение...
О, как жажду я забвения!
Как зову успокоенье,
Наслаждая мертвым сном!»
«Друг, ответь мне, что с тобою?
Ты слышишь меня душой,
Спишь ли ты ночной порою
В этом клочке гробовом?»
Стук приятный, тихий стук,
Звук ответный: тук... тук... тук...
«Я бы спал, и сон приходит —
Дух угасший в даль уводит,
Но не долгу чужий сон.
Вдруг проснусь я, содрогнусь я,
И так больно в душу входит
Голос пленный безумный,
Одинокий, страшный стон...
Часто ночью могозвучный,
Рядом, рядом за стеной,
Слышу смех ее безумный,
Слышу крик души большой...
Жду... страшно. Но бывает
Сердце тьму позабывает —
Простеленный, чудный миг...
Мысль далеко улетит...
В книге звезд душа читает
Откровенье древних книг...»
«Друг, жужжай! День настанет!
В аллом баске солнце встанет!
Синей бурей море грянет,
Вонны песни загудят!
Будет весел могозвучный
Пир широкий, пир свободный,
Он сметет грозой народной
Наш гранитный каземат.
Мы расскажем миру тайны
Долгих лет и долгих мук
И в садах родной Украины
Вспомним ты, сосед случайный,
Наш условный, тихий стук —
Стук приятный, стук ответный,
Голос азбуки заветной,
Голос камня: тук... тук... тук!
Голос друга: «Здравствуй, друг!
...Тихий стук, печальный стук:
Тук... тук... тук...»

«Нет, не мне в саду зеленом
Встретить песней и поклоном
Луч багряный — вспыхну дня!
Слышишь: летит нежным стоном,
Бьет последним перезвоном
Час желанный для меня.
Друг, прощайся же с тобою:

вой и русской художественной литературы: Шиллер, Гете, Байрон, Жюль Верн, Гамсун, Брандес, Гауптман, Бичер-Стоу, Гейне, Золя, Пушкин, Грибоедов, Лермонтов, Тургенев, Достоевский, Герцен, Толстой, Успенский, Чехов, Горький, Короленко и многие, многие другие.

Важно отметить стиль работы Серго над литературно-художественными произведениями. Он делает большие выписки, пишет критические заметки, часто полемизирует с тем или иным автором.

Вот что записал Серго после прочтения «Горь от ума» Грибоедова:

«Грибоедов не сказал обществу ничего нового, и тем не менее пьеса была принята, как нечто небывалое, как редкостная новинка, не имевшая precedентов. Такого, без всякого сомнения, и была она. Это кажущееся противоречие в высокой степени характерно для произведений реального искусства. Взятые из живой действительности, они говорят о том, что все знают; они являются только дальнейшим развитием художественных образов и художественно-моральных... (неразборчиво), принадлежностей обществу, или, по крайней мере, его мыслительной части. Сатирические стрелы поэта направлены на самое большое место: на тех, которые думают — и тогда и потом — основой самой гибельной из всех реакций — реакцией общественной. Для общественной блага нет ничего пагубнее той умственной чумы и светобоязни, той правительственной слепоты и того душевного фрустрация, которые воплощены в образах Фамусова, Молчалина, Скалозуба и всех этих «старух зловещих, стариков, Дряхлеющих над выдумками, взором...»

Чацкий — воплощение сложнейшего передового деятеля 20 г., и представляется новым идеалом.

В стихах Серго записаны «Четыре партия демократов в Грибоедове».

После прочтения сочинений Герцена Серго записывает в своей тетради:

«...три ошибки Герцена. Он не понял и не оценил того великого движения русской общественной мысли, которое началось в конце 50-х г.г. (в самый разгар политического кризиса) и было связано с великими именами Чернышевского и Добролюбова.

2. Он не понял и не оценил замечательного в 60-х г.г. величайшего в новейшей истории Зап. Евр. движения рабочего, революционного тогда К. Маркса, как не понял значения научно-философских идей великого экономиста.

3. Меньше всего, по очень любопытной третьей ошибке Герцена — сентиментальное или романтическое воззрение на Россию, на русский народ, противопоставленное, воззрение, которое можно назвать «социалистическим славянофильством» или «русским месаллианством» Герцена.

Серго сидел в «заравном отделении» вплоть до окончания срока каторги. Он высчитывал дни, приближаясь его к освобождению, и в тетради чертил своего рода «табеле-календаря».

Под руководством Серго заключенные добились некоторого послабления тюремного режима. Правда, Серго не раз и впоследствии заключался в камеру, и в таких случаях в тетради мелким, неразборчивым почерком (вплоть до проворности) тетраль тюремники не обнаруживали записей: «на три недели заключен в камеру — не встал на поверку» и т. п. и т. п.

Записи Серго обрываются на 169-й странице — на конспекте по русской истории XV—XVI веков. Вот последние строки записей:

«Чтобы спасти себя Иосиф Волоцкий перешелит к Великому князю, проповедал абсолютизм. Противники И. Волоцкого — люди с некоторым образованием теологического характера...»

Здесь стоит два тире и дальше — крупным, размашистым почерком помещено: «отправлен 8/X 15 г.».

После трех лет каторги Серго этапом высланы в Якутию. Здесь, на берегу Лены, в селе Покровском, я впервые увидел его...

Зинаида ОРДЖОНИКИДЗЕ

Пушкинские дни

Институт мировой литературы им. А. М. Горького провел 10—11 февраля в союз советских писателей свою ежегодную пушкинскую научную сессию.

Д. Благой в вступительном докладе дал общую характеристику Пушкина как премирному литератору XVIII века и родоначальнику новой русской литературы. Он подчеркнул тот, на первый взгляд, парадоксальный факт, что Пушкин, ставший, по выражению Горького, «началом всех начал» всей последующей русской литературы, не имел, однако, прямого литературного потомства. «Евгений Онегин», например, является во всей русской литературе неповторимым образцом романа в стихах. Такими же одинокими гигантами оказываются и почти все наиболее зрелые и совершенные создания Пушкина: «Борис Годунов», «Полтава», «Медный всадник», малые трагедии.

Русская драматургия после Пушкина пошла не по пути его трагедийного театра, а, главным образом, по линии бытовых пьес Гоголя и Островского.

Затронутый Д. Благой вопрос о прямом литературном потомстве Пушкина, был развит применительно к поэзии и прозе в последующих докладах Б. Томашевского и У. Фохта.

«Мне первая поэма Пушкина «Руслан и Людмила», — говорит Б. Томашевский, — вызвала имитации и подражания, из которых наиболее значительными были поэмы А. Шиповой «Раимир и Светлана» и Загорского «Ниль Муромец». Но истинный поток подражаний и параллельных опытов хлынул из Пушкина на советский период творчества Пушкина «Кавказский пленник», «Отцы и дети» благодаря открытой системе Пушкина, открытая в многочисленных подражаниях, быстро выдвинулась в литературной практике.

«Граф Нулин», с его реалистическим деревенским пейзажем, стал как бы типовой формой повести о русской помещицкой деревне.

«Домик в Коломне» и «Повести Белкина» положили начало «натуральной школе» в русской литературе, которая в свою очередь через «Шинель» Гоголя и «Бедных людей» Достоевского привела к социально-роману в середине XIX века.

В качестве отдаленного потомства исторических хроник Пушкина Б. Томашевский называет «Возмездие» А. Блока. Сравнительно вступительные стихи второй главы «Возмездия» с начальными строками десятой главы «Евгения Онегина», он отмечает усвоенную Блоком манеру пушкинских характеристик. В той же главе «Возмездия» стихи о Петербурге навеяны Блоку «Медным всадником».

Та же проблема применительно к прозе Пушкина была рассмотрена в докладе У. Фохта. Он, между прочим, говорил об «эпическом» характере в русской литературе, начиная от Пушкина. Пушкинская точность, реализм, объективность обогащены Лермонтовым аналитическим раскрытием портрета, теми чертами, которые, по выражению поэта, «ускользают от определения, но понятны взору». В дальнейшем аналитическая манера Лермонтова была развита Л. Толстым, а его «импрессионизм» — Тургеневым, Чеховым.

С. Бонди прочитал первую главу подготавливаемой им работы о драматургии Пушкина.

Кировский профессор К. Драгин свое выступление посвятил изложению эстетических взглядов Пушкина, их философской и историко-литературной основы.

С. И.

Новый роман А. Новикова-Прибыло

Писатель А. Новиков-Прибыло читал в клубе писателей отрывки из нового романа «Капитан 1-го ранга».

Композиционно роман задуман интересно. На лирике происходит необыкновенное дело царского флота события. Четко умный глаз и твердая рука стали вводить на судне порядки. Командир судна — капитан 1-го ранга Лезин. Переживший тяжелейшую семейную трагедию, он силится. А между тем, на капитанской каюте выходят все новые приказы, устанавливающие порядки на судне. Каким-то чудом от капитана не ускользают даже мелкие нарушения дисциплины, неполадки в матином хозяйстве, неправильные распоряжения офицеров.

Автор раскрывает роль матроса Псалтырева, пришедшего в парусный флот из деревни. Псалтырев — любознательный, талантливая самородок, — изучает тонкости сложного хозяйства дикора. Любовь к родной и влюблен к технике не позволяют ему оставаться равнодушным к неурядицам и безхозяйственности на корабле. Он постепенно входит в доверие к капитану, при котором состоит вестовым. В пьяном виде командир подписывает приказы, составляемые вестовым. Так идет управление судном.

Вторая часть начинается описанием жизни на советском линооре. Показана дисциплина, основанная на сознании и развивающаяся лучшие свойства в советском морские: храбрость, инициативу, любовь к технике и к морю. Командир судна — капитан 1-го ранга Куликов. Колоритно очерчена фигура волевого, способного командира.

Капитан 1-го ранга Куликов оказывается тем же Псалтыревым. Пройдя через горнило гражданской войны, матрос Псалтырев в советские времена находит применение своим способностям и становится образцовым командиром.

Образ Псалтырева проходит через весь роман. В нем воплощены лучшие свойства русского человека.

Сонно изображена автором в первой части романа картина революционного, бедственного управления флотом. Во главе его стоят адмиралы, увлекшиеся перовой ездой, парижскими искусствам, профессией повара и пожарника, — но только не военным делом.

Наибольшее впечатление на слушателей произвела: сцена в первый, где выступил знаменитый Иоанн Кронштадтский и сцена кулания марок. Веселый смех вызвали некоторые жаркие сценки приключенные с бойманом в Италии, модные в публичном доме «Греза марок» и другие.

Выступившие в прениях Нисс Гольдман, Л. Ларин, С. Малинин и В. Красильников говорили о мастерстве писателя, о прекрасном языке произведения.

Сооружение памятника Н. В. Гоголю в Москве

Совет Народных Комиссаров СССР утвердил композицию памятника Н. В. Гоголю, представленную скульптором А. А. Маулызовым. Этот эскизный проект был разработан скульптором вместе с архитектором М. И. Гинзбургом на конкурс, организованный Комитетом по делам искусства.

Авторы создали интересную по замыслу композицию. Основанием памятника служит гранитная квадратная площадка. Вокруг нижней части скульптурного пьедестала расположена скульптурная группа, изображающая героев «Ревизора» и «Мертвых душ».

Великий русский писатель изображен в период своего творческого расцвета. Одутловатое лицо, поворот головы, движе-

Памяти В. М. Гаршина

Союз писателей в связи с исполнением 14 февраля 55-летием со дня рождения В. М. Гаршина образовал комиссию по проведению юбилейных мероприятий художественного характера. В комиссию вошли: А. Яковлев (председатель), В. Лидин, А. Паровиков, Борис Гроссман и Леонид Гроссман.

Комиссия союза писателей решила обратиться к коллегам в Гослитиздат ускорить издание собрания сочинений Гаршина.

В Гроссман закончил книгу — критико-библиографический очерк «Всеволод Гаршин».

3. ХАЦРЕВИН

«Тов. Орджоникидзе в ауле призывает ингушей и осетин вступить в Красную Армию.» (Картина худ. А. М. Нюренберга.)

ЭРДЖКИНЕЗ

Анна АНТОНОВСКАЯ
Бор. ЧЕРНЫЙ

К Уваровскому саду скакали всадники, освещая дорогу пылающими факелами. Поздняя ночь скрывала скалистые вершины, и только в синей, тагучей мгле, сквозь деревья мигали огоньки аула Базоркино.

Доносилась канонада. На высокой ветке тревожно кричала мохнатая птица. Был 1918 год. Буйный ветер шумел над Северным Кавказом. С Дона и Кубани надвигались на Чечню и Ингушетию денкиши. На Терек неистовствовали атаманы. Копи были оторваны, карабины пристрелены, клетины начопены. Ярость охватывала богатые станицы и хутора. «Война горцам!» «Смерть гольцубе!» «Поглобь осетнам!» — злобно гудели белоказаки, выпавшая в Бичераховскую копицу.

Тяжелой походкой сдвинула Владикавказ белокараульщики. А в узкой полосе за Ларсом, за хаотическим Дарьялом, в мрачных расщелинах у Казбека «паравотгарейши» молышевской Грузии, подкрепленные орудиями союзников, решительно преграждали покладную дорогу...

На улицах дневил свист, гиканье, выстрелы, звон разбитых стекол. Бичераховские белоказачьи отряды полковника Соколова и Беликова ворвались во Владикавказ. Рабочая самооборона яростно защищала городские районы и садовки. Казацкие офицеры в упор расстреливали красноармейцев, перебегающих по деревянному мосту через Терек.

Город горел. Едкий дым клубился над домами. В здании Кавказского корпуса шел IV Терский областной народный съезд. Под залпы и разрыв бомб Серго закрыл заседание:

«Объявляю перерыв до разгрома белокараульщиков. Используем время для организации трудящихся горцев в боевые отряды. К Серго побегали один рабочий, сжимая карабин: — Товарищ комиссар, белаяк ободает! Тут почему зря погибнеш! Торопиться надо! — Бегги! Кто тебя держит? — Серго спокойно стал собирать листы блокнота.

Скакали с пылающими факелами всадники. По дороге, едва блещущей во мгле, по невидимым тропам стемнелись в Уваровском саду ингуши плоскостных и горных аулов. Стекались слушать Серго. Но не только безомысленные ингуши заполнили Уваровский сад. Не только молодые горцы, сплывая коней, окружили отряды. Служебной группой стояли офицеры бывшей Дикой дивизии, ханы, мушкетеры, купцы.

Гудела толпа, говорили офицеры, призывали мушкетеры, клялись купцы. На возвышении вскачил хан, на его черные сверкали погоны и поблескивали золотые газыри: — Ингуши! Под священным знаменем наши деды вместе с Шамшелем боролись против русских, против казаков. Наступил час, когда аллах вновь призывает всех мусульман идти с этим знаменем газавата в бой против неверных! На шее взметнулось зеленое знамя. Кто-то фалатично выкрикнул: «Газават! Газават! Смерть русским! Смерть казакам!» Купец, закатив рукава черкески, постуленно кричал: «Горцы, бей неверных!» Перебивая его, рванулся вперед на коне молодой горцы: — Ингушскую землю зачем парь отъял?! Мулла величаво протянул: — Аллах говорит устами хана. Много раз песня газавата во имя аллаха звенела отгоченной шашкой. Серго ворвался на возвышение. Он горящими глазами огледал горцев, непослушные выхры выбивались из-под папах. Первые слова оборвали гуз: — Горцы, кто возвращает вам земли, отнять парем и хахам?! Ингуши поддальсь вперед: «Оллаа, советская власть! Бей-бох советская власть!»

Эрджкинез — Орджоникидзе, так по своему прозванию ингушский народ фамилию Серго. Эрджкинез в переводе — князь обездленных.

— Так почему вы слушаете врагов народа?! — Кто враг народа?! — и хан с золотыми газырями угрожающе положил руку на кобуру. — Ты, комиссар, пользуйся положением гостя.

Серго резко обернулся: — Какой я тебе гость?! Что я тебе — барщина?! Я с тобой как представитель власти разговариваю. Благодаря тебе подобным горцы снова должны драться за свои земли!.. Не хватало за оружие, а лучше тебя стрелок! Горцы, ваша борьба за свою землю, за счастье ваших детей — есть борьба за советскую власть, и нет таких сил, которые могли бы одолеть советскую власть!

Запыхав Уваровский сад, точно перед грозой: — Оллаа, мы с советской властью! Бей-бох, за советскую власть!

— Нет таких сил?! — взвизгнул хан. — А аллах!

Мулла грозно поднял руку: — Нет бога кроме бога и Мохаммад пророк его!

Хан торжественно приложил руку ко лбу и seru: — Комиссар, предлагаю тебе оставить наши горы. Мы, горцы, одна семья, чужие не должны вмешиваться в наши дела. Серго расхохотался:

— Чужие не должны вмешиваться! Хорошо сказано! А бичераховцы, соколовцы, белобаданцы! — это что, все твои родственники?! Захотели пенше и верховые. Офицеры, купцы, земледельцы нестойкой ручной стаялись обить Серго.

Между деревьями колыхались багровые языки факелов. Горцы, затаяв дыхание, слушали простое и вместе с тем захватывающее душу горячее слово:

— Ты что мне сказки рассказываешь?! — гремял Серго. — Что, ради твоих предрассудков глаз преподнеси тебе Бичерахов кенги, прованят, оружие! Горцы, знайте, ханы хотят снова вернуть свою власть и земли, и за это они продают вас! Они отговаривают вас защищать Владикавказ. Мы, большевики, говорим вам: идите на защиту родной земли.

Послышались одобрителыне выкрики. Офицеры и ханы угрожающе приближались к Серго. Руки потянулись к кобурам и шашкам. Встревожилась горская молодежь, тесным кольцом окружая Серго. Серго отстранил молодого горца и вышел вперед:

— Мы, большевики, никого никогда не боялись. Уходите прочь, ханы! И таким мужеством и гневом зарежете горные глаза Серго, что не устояли ханы и офицеры и отступили назад.

— Луом да луом! — кричали ингуши. — Все ближе доносился раскаты. На железнодорожной насыпи грохотал бронепоезд. Вспыхивали в темном воздухе зарницы.

— На Владикавказ! На Владикавказ! — кричали горцы. — На Владикавказ! — перекрывая весь, крикнул Серго, вскачиа на коня. Он помчался в мрак, сливаясь с конской гривой.

Тысячи ингушей лавиной понеслись за Эрджкинезом.

В эту грозную ночь, под бухание вражеских батарей, под боевой топот конницы, под визг пулх креша любовь и вера в советскую власть...

Все это вспоминали и еще раз пережили ингуши, старые партизаны, соратники Серго, в февральский день печальной годовщины. Они собрались в ауле Базоркино, под широким навесом, в доме, где были штаб Серго...

посеребренные временем усы, сказал Джабраил, — и когда привез Эрджкинезу отогонный пакет, я показал ему пустые двойные «Вот, Джабраил, — сказал мне Серго, — при Шамиле ты был бы мюридом газавата, при Ленине ты стал мюридом революции!» И Серго дал мне горсть патронов. Тогда я вложил патроны в обману и поклялся: «Эрджкинез, эти патроны попадут только в твоих врагов, врагов революции!»

Воздохнул пожелтой горцы, погружая свои мысли в прошлое. Наступила тишина.

— Тогда богатый был я и думал, что вся мудрость жизни в золоте и баранах. Ханы сказали: большевики отнимут у тебя все. Я пригласил Эрджкинеза к себе в дом и спросил гостя: у меня в Владикавказе два дома. Когда советская власть совсем прогонит белых, правда, отберут мое богатство? «Правда! — сказал Серго, — ты не будешь хозяином миллионов домов советской страны. — Твоя правда — правда льва!» — сказал я Эрджкинезу. С этого часа я познал другую мудрость, и мой конь, много месяцев гулял рядом с его коном.

Порывисто подошел Казы, бывший начальник ингушского партизанского отряда. Его голубые глаза горели мятежным огнем, и ярко-рыжие волосы не хотели покориться времени. По традиции джигитов, на его небогатой черкеске блесло дорожное оружие:

— Я не хотел притти, — медленно сказал Казы, — пбо рана моего сердца так глубока, как глубока моя любовь к Эрджкинезу. Но мне сказали: люди хотят послушать о дединах луом да луом... И я превозмочь свои страдания! Вы хотите знать, какой был наш Серго? Он был похож на льва с орлиными крыльями. Много раз солнце спускалось нырять за Казбек. Много раз зеленела трава на горных склонах. Все выше лезал наш орел. Но и там, на далеком севере, он никогда не забывал маленький ингушский народ. И Серго жил в наших сердцах, будет жив, покуда Терек не потечет назад...

Последние блики солнца скользнули по обелиску на братской могиле. Неподвижно стояли старики, и за ними неподвижно стояли молодые ингуши, слушая рассказы отцов и дедов.

ОТЧЕТЫ И ВЫБОРЫ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНОВ

Три вопроса

Представьте себе партийную организацию какого-нибудь крупного завода, которая в течение целого года почти не занималась своими производственными вопросами...

Трудно, конечно, представить себе такую организацию. К сожалению, именно подобная аналогия происходит на у некоторых писателей, когда беседа заходит о собраниях той партийной организации, в которой они состоят. В этом нетрудно также убедиться, если ознакомиться ближе с содержанием самих собраний. За весь прошлый год их состоялось не очень много — всего восемь. Какие вопросы обсуждали коммунисты-писатели на своих собраниях? Много ли было, если их можно так назвать, литературно-производственных вопросов, связанных с идейным содержанием художественного творчества того или иного писателя, с выходом в свет новых произведений? Или, быть может, на собраниях заслушаны доклады о новых литературных явлениях, доклады коммунистов, возглавляющих определенные участки работы в президиуме союза, или обсуждено, например, важнейшее решение Центрального Комитета партии о некоторых литературно-художественных журналах?

Если уж пришла такая аналогия на ум, то можно привести хотя бы такие, не лишние интереса, данные о литературной продукции. В истекшем году, по неоптимальному подсчету, только в пяти толстых московских журналах («Красная новь», «Новый мир», «Октябрь», «Знамя», «Молодая гвардия») напечатано 15 романов, 20 повестей, 15 пьес, свыше 10 пьес и сценариев, около 135 рассказов и новелл. Тематика этих произведений чрезвычайно разнообразна: борьба партии с врагами, быт, семья, будущая война, новое крестьянство, Красная Армия. В литературе по-

К концу июля погода сильно испортилась. На дорогах лежала густая, желтая грязь, в которой вязли машины. Военный конфликт в Стени был еще в самом разгаре. Время от времени краткие сообщения ТАСС оповещали страну об успешных действиях наших войск.

Я ехал в своем броневике, возвращаясь с фронта в редакцию полевой газеты. Родитель наш заблудился. Мы сблизись с единственным верным направлением, ведущим к телеграфным столбам. Ночь августовская в середине пути. Начинаясь великий естественный слух, что на языке азиатских шоферов обозначало долгое метание в зримоинной тьме многодорожной степи. Глубокие воронки, вырытые авиабомбами, серели на черном грунте. Выла душная, безветренная, мглистая ночь, какие нередки на Востоке.

Вскоре началась гроза, через минуту превратившаяся в настоящий потоп. Двигаться было трудно.

— Придется заночевать под дождем, — сказал командир нашей машины Уваров. — И под обстрелом, — мысленно добавил я. О таких вещах здесь не принято было упоминать.

Все же мы двинулись вперед. Машина шла сквозь толстую стену льва. Гром сменился в канонаду. Определиться было невозможно. Я не знал, какие батареи стреляют, наши или неприятельские? Несколько раз мы приближались к воде, но снова от нее уходили. Дыхание реки долетало до нас. Резкий запах гипноидной осеки пробивался даже сквозь наполненный грозой воздух. Мы совсем сблизись с дорожкой.

— Тимченко! Стой! — крикнул командир. Решено было дожидаться рассвета. Водитель достал провизию — хлеб, колбасы, печенье и стал закупаться. Он предлагал мне, но я отказался. Мне есть не хотелось. Подошел Уваров, ходивший смотреть дорогу, и тоже сел ужинать.

Эти два человека составляли весь экипаж нашей машины. Оба они были превосходные парни. Золотые армейские ребята. Свое «фронтное такси» они водили в самое пекло. Сказали, когда на фронте было тихо, и жаждалось во время опасности. Несколько раз они оставили свою машину в укрытии и выезжали в бой, держа друг возле друга. С ними случалось много чудесных историй, о которых стоило бы рассказать всем. Я клонил их обоих — рассудительного Уварова и пылкого Тимченко. Мне нравилось сидеть с ними.

Между тем пора было позаботиться о ночлеге. Я залез в башню. Вместо подушки я приладил свою стальную якорку, а вместо одеяла — перьевую подушку. От акригизирующей губки было почти мягко голове. Ужаснулся, я слышал, как родителем и командир разговаривали внизу о разных делах. О действиях нашей пехоты, о машинистках с командного пункта, о сегодняшнем воздушном бое, ватем снова о машинистках, снова о боях. И так — без конца.

Через несколько минут я задремал, одушевленный непрерывающимся шумом ливня и артиллерийской стрельбы. Когда я проснулся, кто-то стучал ружьем в башенный люк. Может быть, это падали последние капли дождя.

Я прислушался, что происходит внизу. Тимченко и Уваров все еще переговаривались между собой. По обыкновению, они спорили — «Надо ехать искать дорогу». Я узнал голос Тимченко: «Машину чопень прогребут!» — сказал Уваров. Тимченко в ответ недовольно заворчал. Оба они умолкли.

К этому времени артиллерийская перестрелка усилилась. Звук выстрелов стал полнее и глубже. Стреляли с южного направления. «Может свободно нас паравать», — хрюста галетой, сказал Уваров. — «Вывают в жизни шутка», — ожно отозвался Тимченко.

Прошло около часа. Я не спал; все мое тело ныло. Трудно было пошевелиться от боли. Внизу теперь говорили о Галине из третьего госпиталя.

— Правда, ведь, хорошая девушка? — настаивал Тимченко.

— Подходящая, — нехотя ответил Уваров. — Такую, как она, нигде не найдешь, — печально сказал Тимченко.

Затем я услышал одушевленный орудийный раскат. Снялся, как мне показало, лег рядом с нами. Я с живостью высочил из башни.

— Что случилось? — спросил я. — Наша «бабушка» вископалась, — сказал Тимченко.

— Крупинокаберное орудие, — ласково пояснил мне Уваров. — Можете лезть обратно, товарищ корреспондент.

И побегом на яблоню до рассвета было еще далеко. Перед нами, сливаясь во тьме, смутно белели передовые линии обеих сторон. Мы находились где-то посередине. Я долго всматривался в таинственные очертания неприятельских укреплений. На горизонте ползли разорвавшие грозой клубящего серого дыма. Минут пять как то гипнотизирующее в этой короткой тишине, внезапно наступившей после орудийного рва. Я ждал, чтобы все началось сначала. Подул ветер, обдав нас резким холодом.

— Может быть, пошел дождь? — неуверенно сказал Тимченко.

В это время мы услышали чьи-то шаги. Кто-то шел к нам. Мы молча переглянулись. Нелзя было разгадать выражение лиц друг у друга, но все мы подумали об одном и том же. Уваров вынул пистолет, в левой руке он держал гранату. Я с волнением сжимал в руке свой револьвер, из которого я еще никогда не стрелял. Шаги приближались. Теперь они были слышны совсем ясно.

— Кто идет? — крикнул Уваров. В моем мозгу с убедительной ясностью проносился рассказ о просраивавшихся в тылу вражеских башнях, о брошенных снайперах и тому подобных вещах. Я рассчитывал дорожку продать свои знания. Во всяком случае, тогда я был твердо убежден в этом.

— Кто идет? — еще громче повторил Уваров. — Все в порядке, ребята. Свои! — доносилось до нас гонимый, добродушный голос. Мы увидели жалкую фигурку в твердой от дождя гимнастерке.

тyme, смутно белели передовые линии обеих сторон. Мы находились где-то посередине. Я долго всматривался в таинственные очертания неприятельских укреплений. На горизонте ползли разорвавшие грозой клубящего серого дыма. Минут пять как то гипнотизирующее в этой короткой тишине, внезапно наступившей после орудийного рва. Я ждал, чтобы все началось сначала. Подул ветер, обдав нас резким холодом.

— Может быть, пошел дождь? — неуверенно сказал Тимченко.

В это время мы услышали чьи-то шаги. Кто-то шел к нам. Мы молча переглянулись. Нелзя было разгадать выражение лиц друг у друга, но все мы подумали об одном и том же. Уваров вынул пистолет, в левой руке он держал гранату. Я с волнением сжимал в руке свой револьвер, из которого я еще никогда не стрелял. Шаги приближались. Теперь они были слышны совсем ясно.

— Кто идет? — крикнул Уваров. В моем мозгу с убедительной ясностью проносился рассказ о просраивавшихся в тылу вражеских башнях, о брошенных снайперах и тому подобных вещах. Я рассчитывал дорожку продать свои знания. Во всяком случае, тогда я был твердо убежден в этом.

— Кто идет? — еще громче повторил Уваров. — Все в порядке, ребята. Свои! — доносилось до нас гонимый, добродушный голос. Мы увидели жалкую фигурку в твердой от дождя гимнастерке.

— На штабы дивизии, — сказал он. — Обратно идти никак не получается. Третий час плутаю.

Он показал пальцем на абсолютно черное небо, как бы призывая его в свидетели.

Уваров молча слушал нашего ночного гостя, хмуро оглядывая его.

— Некий старшина Георгиевский, — отреккомендовался гость. Он оказался словоохотливым, компанейским человеком. Он, как говорится, молч «чески петя к тебя пожелать».

Заметив меня, он протянул мне руку и снова назвавшись Георгиевским, подошел к машине.

— Уралыи среди вас есть? — неожиданно спросил он у нас. — Нет? А то я часто своих земляков встречаю.

Снова закапал дождь. На этот раз без молний и грома. Наш новый приятель ласково поглядывал на нас, облокотясь о броневик. Я взглянул в его лицо. Оно было неопределенным. Одно из тех лиц, которые сразу забываются после знакомства. Нос был крупным, глаза маленькие, почти без ресниц. Из-под фуражки выглядывали прямые русые волосы, приплюснутые к омырению.

Все немного помолчали. Затем Георгиевский сказал: — О чем тут думать, ребята. Выбраться надо отсюда. Вот что.

Он сообщил нам, что мы находимся совсем близко к переправе, что оставаться здесь нет расчета. Да еще осыпано вло банок. Дорогу он хорошо знает. «На командном пункте есть некий Саркисов», — сказал он. — Я к нему часто ходил. И по ночам ходил. Надо ехать».

Уваров раньше возражал, но потом согласился.

Мы решили попытаться счастья. С водителем сел Георгиевский. Уваров встал на подножку, чтобы следить за дорогой. Я залез обратно в свою башню, где нестерпимо пахло рыбными консервами и бензином. Машина, рыча и капля, двинулась вперед по рыхламу от воды луку. Вскоре дорога пошла лучше. По

Роман о текстильщиках

ИВАНОВО. (От нашего корр.). Старый производственный — техник Тейковский текстильного комбината Михаил Дмитриевич Зайцев совместно со своим сыном — журналистом Александром Зайцевым работает над большим историческим романом «Вархатная книга».

В романе показывается развитие текстильной промышленности в одном из старейших рабочих центров Ивановской области в г. Тейкове.

Первая часть романа «Вархатная книга», размером в печатных листах, закончена Зайцевым и будет опубликована в четвертой книге «Ивановского альманаха». Писатели г. Иванова, ознакомившись с рукописью, дали ей высокую оценку.

Первая часть романа «Вархатная книга», размером в печатных листах, закончена Зайцевым и будет опубликована в четвертой книге «Ивановского альманаха». Писатели г. Иванова, ознакомившись с рукописью, дали ей высокую оценку.

Первая часть романа «Вархатная книга», размером в печатных листах, закончена Зайцевым и будет опубликована в четвертой книге «Ивановского альманаха». Писатели г. Иванова, ознакомившись с рукописью, дали ей высокую оценку.

Первая часть романа «Вархатная книга», размером в печатных листах, закончена Зайцевым и будет опубликована в четвертой книге «Ивановского альманаха». Писатели г. Иванова, ознакомившись с рукописью, дали ей высокую оценку.

Первая часть романа «Вархатная книга», размером в печатных листах, закончена Зайцевым и будет опубликована в четвертой книге «Ивановского альманаха». Писатели г. Иванова, ознакомившись с рукописью, дали ей высокую оценку.

Первая часть романа «Вархатная книга», размером в печатных листах, закончена Зайцевым и будет опубликована в четвертой книге «Ивановского альманаха». Писатели г. Иванова, ознакомившись с рукописью, дали ей высокую оценку.

Первая часть романа «Вархатная книга», размером в печатных листах, закончена Зайцевым и будет опубликована в четвертой книге «Ивановского альманаха». Писатели г. Иванова, ознакомившись с рукописью, дали ей высокую оценку.

Первая часть романа «Вархатная книга», размером в печатных листах, закончена Зайцевым и будет опубликована в четвертой книге «Ивановского альманаха». Писатели г. Иванова, ознакомившись с рукописью, дали ей высокую оценку.

Первая часть романа «Вархатная книга», размером в печатных листах, закончена Зайцевым и будет опубликована в четвертой книге «Ивановского альманаха». Писатели г. Иванова, ознакомившись с рукописью, дали ей высокую оценку.

времена сквозь грохот движения до меня доносились крики Уварова: «Тимченко, направо!» «Вперед! Иди, Тимченко!» «Ровней, Тимченко!» Было темно, как в грозе. Я положил голову на руки и предался редкому ощущению тишины, покоему на галоп верблюда. Сильно кляло. Но, несмотря на эти неудобства, я все-таки уснул.

Сколько я проспал, не знаю. Когда я проснулся, сквозь полузакрытый люк виднелось несколько звезд, уже побледневших от надвигавшегося рассвета. Мы стояли. Выбравшись из башни, я с любопытством огляделся по сторонам. Направо от меня туманным треугольником грохотали спускавшиеся к реке холмы. Впереди я заметил ежедневно обстреливаемые черные камни Южной переправы.

— Послать на прививку? — окликнул меня Тимченко. В его позе было что-то, заставившее меня пригладиться. Я пошел поближе: Тимченко сидел рядом с Георгиевским, держа свой ваган вплотную у его виска. Он со значительным видом поглядывал на меня. Тут я только заметил, что руки у Георгиевского были связаны на спине. — Этот молодой человек, — сказал Тимченко, — кофиденциально наклонился ко мне, — оказался белокараульщиком, стервону по его милости.

Он повернулся и в упор посмотрел на пленного своим смелыми глазами голщца. Тот селся и напряженно заморгал веками. Его лицо, несмотря на прохладу, было покрыто, как росой, мелкими каплями пота. Он был весь потный.

— Отчего вы не разбудили меня? — спросил я, в огорчении, что я не стал свидетелем такого интересного случая.

— Не успел, — ответил Тимченко. — Мы с ним сами бысто управились. Да и будить вас не хотелось.

Подошел Уваров, и мы снова покотили вперед. Георгиевского послали влбуть машины. Уваров сказал мне: «Он сразу казался мне красивым. Я все время держал его «за глазу».

На участке было тихо. Батарей, как бы уставшие за ночь, молчали. Опы, не дубившие орудийного грохота, снова кружились в воздухе прямо над головой, как бы соревнуясь с нами в быстрой передвижении. Ничто не нарушало живой внутренней тишины. Только Тимченко не мог еще успокоиться. Он клел аллобол.

— Треугольные нащепки! — с ожесточением бормотал он. — Младший командир Рабоче-Крестьянской Красной Армии, извольте ли выдти! Вот до чего нахальство доходит!...

Мы перешли реку. Понтоны в нескольких местах были затоплены водой. Камыши росли густо, как щетка, прижимая берега друг к другу. У самого моста, на левой стороне, работало несколько понтонов в комбинациях и стальных касках. Один из них стоял по колено в воде. Никто, кроме озвонившего часового, не обратил на нас внимания. Мы ехали молча. Вскоре мы подошли уже к зарытым в землю близлежащим командным пунктам. Начиная заметно светлеть, ровные лучи солнца поманились с восточной стороны Стени. Нежным дымчатым светом были покрыты вытоптаные холмы шота, ленточки перекрывающихся дорог, телеграфная проволока и еле заметные впади, замаскированные палатки второго эшелона. Картина была неожиданно мирной, настраивавшей мысли на легкий и беззаботный лад. Все это, однако, продолжалось недолго. Откуда-то с правой стороны два раза сильно ударила батарея. Блеснул зиятельный ударок вышкини. Очарование тишины исчезло.

Через полчаса мы сдали пленного белокараульщика ружьюному, захватившему цветным мулом команданту Сергею. Процедура была короткой. Георгиевский неохотно вылез из машины и, конвоируемый двумя бойцами, горько, залагал к вершине холма. На прощание он нам поклонился, приложив к козырьку два пальца.

— Можете мне поверить, — сказал он лязгивым и безучастным голосом, — я работаю против вас без всякого интереса. Некий генерал-майор заставил меня... Он нервно зевнул и начал тереть свой сползающий на живот ремеш.

— Отчего и почему — там видно будет, — сказал Тимченко.

У палатки стоял часовой.

Командант величаво пригласил Георгиевского выйти в нее.

Было совсем светло, когда я пересел в попутный грузовик, ехавший в Наин-бурт. Отсюда, я услышал знакомый крик Уварова: «Готовить машину, Тимченко! Живей, Тимченко!»

Они снова отправлялись на передний край.

Ночь с ее тревогами была поводи. Утро обещало жаркий и сухой день. Я торопился в редакцию, где меня ожидали товарищи и неконченная статья для газеты.

Великий и долдай, где разбирался конкретные произведения советских писателей, вернее, доклад, в котором ленинско-сталинская национальная наука разбиралась в связи с проблемами художественного творчества. Такие теоретические-литературные лекции так же, как, например, интересно проведенные беседы-консультации М. Розенталя — по вопросу о применении марксистского метода познания в творческой работе писателя и проф. Коздобанского — о марксизме и естественности, способны заинтересовать большую писательскую аудиторию и стать одной из наиболее подходящих форм работы по марксистско-ленинскому воспитанию писателей.

Нелзя, конечно, всю пронагаиственную работу строить на одних лекциях. Такая форма, как теоретические конференции, здесь почему-то вовсе не используются.

Большим и отразным явлением в жизни парторганизации является рост ее рядов за счет многих лучших советских писателей. В прошлом году в ряды ВПП(б) были приняты писатели и поэты: А. Твардовский, В. Лебевец-Кумал, Евг. Петров, Переп Маркин, Л. Кнунтц, Л. Никулян, В. Гольцев, Б. Гроссман, П. Сидорова, С. Обралович, П. Клейнер и другие. Многие из этих товарищей проявили себя еще до вступления в ряды большевистской партии хорошими агитаторами за дело Ленина—Сталина, активно участвовали в избирательной кампании. На избирательных участках работала большая группа беспартийных писателей.

Слабо пока растет партийная организация за счет лучших молодых писателей-коммунистов. Между тем многие из них вполне подготовлены для вступления в партию.

Повышение идейно-политического уровня писателей, рост рядов парторганизации и содержание партийных собраний — вот три вопроса, которые требуют особого внимания парторго первичной организации союза писателей.

В. КАПЛАН

1 Лев, настоящий лев! 2 Вот это мужество!

В ЧЕМ СУЩНОСТЬ СПОРА?

ГОРЕ-ТЕОРЕТИКИ

Читатель «Литературной газеты» находится в трудном положении. Он видит перед собой ряд полемических статей, написанных со страстью, или, по крайней мере, с пристрастием. Приводятся цитаты из различных сочинений, мелькают имена и эпохи. Что происходит, в чем сущность спора?

Мих. ЛИФШИЦ

С недавнего времени в нашей литературе можно заметить отрицательное явление нового типа — вульгарное понимание гуманизма и демократии. Откуда возникло это явление? Всем известно, что наша страна защищает мир и культуру, подлинную демократию, прогрессивное мировоззрение. Некоторые поверхностные литераторы поняли эти идеи слишком односторонне и упростили. Подлинно сладкие речи о гуманизме. Началось восхождение современных западных писателей, часто погрязших, но не лишённых демократической фразеологии. Отмеченное представление о «прогрессивном писателе» было перенесено и в историю литературы.

Появились избивающие сочинения о классиках — подражание либеральному красноречию покойного Нестора Кутляревского. Это возрождение либеральной историографии замешано на социологическом материале вульгарно-социологическом разоблачении Шенля. Такая замена обнаружена скорее определением изворотливости ума, чем настоящего желания усвоить марксизм и освободиться от старых предрассудков. Она же опасна «спервавших» вульгарных социологов от новых неприятностей при первом серьёзном повороте истории.

В современной европейской ситуации буржуазная демократия является ширмой для прикрытия реакционной политики. Лишь понять, что в такое время различие между живым языком марксизма и демократической фразой в духе Леона Блюма должно соблюдаться особенно строго.

Если хотите, в этом различии — ключ в происходящей литературной дискуссии, к ее реальному политическому содержанию. Люди, грешившие по части вульгарной социологии, бросались в противоположную крайность и снова пошли вправо. Вот почему эти люди поднимают у нас шум. Они расскалывают окушки о страшном «течении», которое захватило «монополию», угнетает беспомощных «просто критиков» и вдобавок отрицает необходимость прогрессивного мировоззрения для художественного творчества. Эти сказания — только демагогия, способ замануть.

Все великое в искусстве имеет своим основанием объективную правду, народное, прогрессивное мировоззрение. В спор против вульгарной социологии мне не раз приходилось отстаивать эту азыбуку истины. «Просто критикам» это приходило по уму, как они-то и защищали вульгарно-социологическую позицию, а именно: в классовой социологии создавали шедевры искусства. Отчего же Кирпични и другие обвиняют меня в отрицании роли передового мировоззрения? По двум причинам: во-первых, ни ничего не стоит прикупить любую книжку, во-вторых, значение передовых идей в художественном творчестве они усвоили так же вульгарно, как прежде теорию «классового анализа».

Что такое прогрессивное мировоззрение? Единственный последовательно и до конца прогрессивный мировоззренческий является марксизм. Именно это мировоззрение должно быть достоянием каждого советского писателя. Но передовые идеи марксизма носят партийный характер; это значит, что в любых вопросах истории и современности марксист обязан сохранять объективную, самостоятельную позицию, не растворяя своих убеждений в общепрогрессивных фразах и не отождествляя своих оценок с оценками других классов и партий, даже самых передовых с точки зрения старого общества. Буржуазная цивилизация прогрессивна по сравнению с предшествующими формами жизни; но этот прогресс не является абсолютным; столкновение буржуазной демократии с феодальной реакцией не является единственной формой, в которой осуществлялась борьба за народные интересы и развитие передового мировоззрения. Исторические понятия прогрессивного и консервативного относительно с точки зрения марксизма.

В этом направлении нашими предшественниками являются революционные демократы, которые уже умели отстаивать особые интересы народа в прогрессивном развитии буржуазного общества. «Прогрессив», — писал Шенля, — такой же идеолог, как и консерватор или ретроград и душа его так же мало отклоняется на дело, как и душа самого аскуриозного ханжы-обкуртанга. Великие народные писатели и до Шенля не были в существе своих воззрений ни консерваторами, ни прогрессистами. Но по условиям времени они склонялись к одной из сторон, к одной из борющихся партий в среде господствующих классов. Интерес буржуазно-прогрессивной партии иногда совпадал с интересами народа, но далеко не всегда и не целиком. Отсюда открывалась возможность для консервативной или даже реакционной критики прогресса, в которой содержалось много ценных и даже социал-демократических элементов. О точки зрения передовых идей буржуазного демократизма в этой критике является красноречивой. Однако марксист может разделять этой оценки, он понимает, что передовые идеи часто выступали в самой противоречивой и даже реакционной форме.

Гениальный английский памфлетист Вильям Коббет был своеобразным романтиком, он идеализировал «добрые старые времена» — средневековье. Маркс пишет: «Он был одновременно и самым консервативным, и самым радикальным человеком в Великобритании — чистейшим воплощением старой Англии и наиболее сильным родоначальником молодой Англии. Он считал, что упадок Англии начинается с эпохи реформации, а последующая процветания английского народа — с временной победы буржуазной революции 1688 г. Революция была для него потому не переходом к новому, а возвратом к старому — не созданием новой жизни, а восстановлением «доброго старого времени». И все же Вильям Коббет является инстинктивным защитником народных масс против посягательства буржуазии. Как писатель, он остается непревзойденным.

В другой статье Маркс приходит к очень глубокому обобщению. Он сравнивает английскую XVIII век с эпохой Лун-Финицкая во Франции. Тут, как и в других случаях, мы имеем пример того, как революционная победа буржуазии над феодальной аристократией совпадает с наиболее выраженной реакцией против народа — явление, заставившее не одного народного писателя, вроде Коббета, искать народную свободу скорее в прошлом, чем в будущем.

Вспомните, что произошло в чуждой среде и толкнула великого писателя в сторону дворянской партии. Это была глубокая личная трагедия, но она не является случайностью в истории.

Один из самых серьезных мыслителей XVIII в. Никола Ленге пошел гораздо дальше просветителей. Он показал, что буржуазная свобода является худшей формой работы: это свобода от всякого стеснения в деле наживы за счет угнетенных наемных рабочих, «поденщиков». Ленге был одним из предшественников Маркса в теории борьбы против буржуазно-либеральных идеологов современности, он просветитель и против нынешнего господства буржуазии, наполовину серьезный, а наполовину иронический, облечен в реакционную оболочку. Он защищает азиатский деспотизм в его противоположности с его цивилизованной европейской формой и работу в его противоположности с наемным трудом. Уже одно его замечание против Монтескье — «Дух законов есть собственности» — показывает глубокую его воззрения. И так, реакционная критика буржуазной цивилизации может иметь глубокое содержание.

У Маркса мы находим сравнение между передовым лудым XVIII в. — просветителями и аристократами Джеймсом Стюартом. Защищая идеи прогрессивной демократии, просветители считали буржуазные отношения законом природы. Стюарт, который во многих отношениях, в противоположность восемнадцатому веку, стоит как аристократ, на исторической почве, избегал этой ограниченности (подчеркнуто мною. — М. Л.). И так, дворянская культура, являясь чем-то консервативным по сравнению с буржуазной демократией, имеет свои преимущества. Достоинства Джеймса Стюарта вытекают из его недостатков, уберете ограниченность Стюарта, как представителя аристократии, и вы уничтожите его преимущества — превосходство над ограниченностью буржуазно-прогрессивных писателей. Таково отношение сильных и слабых сторон у выдающихся деятелей старой культуры. Идеализм является реакционным мировоззрением (в последнем счете). Однако в истории философия до Маркса и Энгельса идеализм развивали субъективную деятельную сторону, иначе — диалектический метод, а старый материализм неизбежно носил ограниченный метафизический характер. Шенля обладал гораздо более прогрессивным мировоззрением, чем Шенля; его произведение наполнено красноречивыми тирадами в честь свободы и братства. Шенля приводит на сцену весь феодальный клан и всякую чертотпачку. Однако произведение Шенля гораздо художественнее, чем пьеса Шиллера и не измеримо выше всего, что сделано в области драмы просвещением XVIII века (Вольтер, Лессинг и Дидро). Все великие явления в искусстве основаны на передовых идеях, глупом и прогрессивном мировоззрении. Однако неправильно думать, будто художественное развитие прямо пропорционально прогрессу и просвещению. Маркс писал, что обаяние греческого искусства и поэзия Шекспира тесно связано с неравной общественной обстановкой, в которой сложились эти явления. В Кирпични с паросом осуждает веру в колдунов и ведьм, он убеждает читателей в том, что суеверие вредно для художественного творчества. Благо намерен! Однако народные сказки и былины проникнуты верой в колдунов и ведьм, фей и волшебников всякого рода. Скажите, можно ли удалить эти суеверные выдумки из народной поэзии, не затронув ее обаяния и поэтической силы? Если современный писатель удержит в суеверии, то по меньшей мере докажет его бездарность. В народной поэзии прошлого детское представление о мире было естественно и заключало в себе глубокую правду, при самой фантастической и наивной форме выражения. Всякая мифология — ложное отражение природы в человеческой голове. Скажите, однако, реалистическое искусство древней Греции возникло вопреки или благодаря античной мифологии? — Ждем ответа.

По мнению Кирпични, Серебрянского, Ермолова и др. на этих примеров следует проповедь красноречия, «попущившего несомненным», суевия, идеализма, объективизма и т. д. По нашему мнению, из этих примеров следует совсем другое. Передовые идеи прежних классов и партий, прогресс и культура, материализм и демократия в классовом обществе неизбежно носили ограниченный и односторонний характер. Отсюда известные преимущества, определенные эпохи в искусстве, определенные умственные течения, ованые с отсталостью или оппозицией против исторически-прогрессивного буржуазного общества. Ложное в формально-экономическом смысле может быть истинной с точки зрения всемирной истории. Разве вам не известно это замечание Энгельса, которое большевик применяли к оценке реакционных утопий крестьянства? Прогрессивное мировоззрение и великие идеи народной культуры являются объектом, но совпадают в конечном счете, совпадают на почве социалистического строя жизни. В прежней истории это совпадение осуществлялось очень своеобразно, в самых противоречивых формах. Только социалистическая культура является решительным противоречием старого общества. А вы что делаете? Делаете всех представителей старой культуры на прогрессистов и консерваторов, становитесь на сторону первых, а вторым читаете нотации? Но это не большевикская точка зрения, а либерально-буржуазная. И, если таково прогрессивное мировоззрение, которому вы беретесь учить советского писателя, то остается лишь пожелать, чтобы ваши уроки пропали даром. Врачу — исцелись сам!

Истинное и ложное, передовое и отсталое — исторические понятия. Уравнительные утопии русского крестьянина были реакционными, но эти утопии заключали в себе гораздо больше действительно передового содержания, чем прогрессивные фразы меньшевиков и либералов. Томас Манчэвал анал общество назад, к тем временам, когда Адам пахал, а Ева прядла. Пусть лучше погибнут искусство и наука, — писал коммунист Бафет, — но восторженствует равенство. Что вы говорите — это отнюдь не прогрессивные утверждения. Но хватит ли у вас развращения удалить Бафета и Манчэвала из категории самых передовых людей их времени?

Мы очень высоко ставим просветителей. Они боролись с остатками средневековья, верили в лучшее будущее, были историческими оптимистами. Однако и здесь бабушка надое сказала. Когда просветитель Турго, министр Людовика XVI, хотел отменить средневековые ограничения в торговле хлебом, то массы народа

ответили на его востанение («мучная война 1775 г.). Турго, стаяв войска, жестоко расправился с бунтовщиками. Зато во время французской революции мещане народа настало другого просветителя, Кондорса, автора знаменитого сочинения «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума». Этот человек был жироидистом и вполне заслужил свою участь. Кто же является прогрессивным мыслителем — Кондорса, сложивший свой гимн прогрессу в жироидистском подполье, или якобинцы Робеспьер, который мечтал о возвращении вспахать, ко временам воображаемой Спарты и принятию равенства имуществом? Французские просветители были материалистами или по крайней мере приближались к материализму. Однако во время революции, по мере развития социальных конфликтов, религия Гутта отодвинула на задний план передовые идеи просветителя. «Стезя» аристократии и дворянства в Конвенте «Идея великого существа, которое защищает угнетенную невинность — глубоко демократична». Теперь определите, кто по-вашему «спонсировал» песимизм и кто прогрессивный мыслитель в этой исторической коллизии?

Прогресс и демократия — великие идеи. Но в великие идеи и следует в первую очередь применять марксистский анализ, иначе они превращаются в тонкие абстракции, либерально-буржуазные фразы. Прогрессивные и демократические течения выступали в самых различных, иногда диаметрально-противоположных формах, которые можно понять, только применяя к истории марксистское учение о классах. История — это великая драма, в которой различные прогрессивные силы прошлого в жестокой взаимной борьбе обнаруживают все свое величие и ограниченность, не достигая абсолютного превосходства и сходат со сцены, освобождая место для коммунизма. А вы превращаете эту драму в плоскую врахотушную скачку по полям прогресса!

Реакционные утопии мешали Толстому, они объясняют недостаток его произведений. Задача историка — отделить действительность от недостатков. Но как это сделать? Простая арифметика здесь не годится. Все, что написано Толстым, настолько проникнуто его мировоззрением, что если произнести вычитание недостатков по методу В. Кирпични и М. Серебрянского, много ли останется? Неужели в произведении Толстого, Балзака, Шенля, Данте, Гомера, столько недостатков, сколько упрямых неслетей реакционных утопий и их мировоззрений? В таком случае это далеко не шедевры.

По раме Толстой не мог написать «Воскресения» лучше, если бы его идеи были прогрессивны? Опять арифметика вместо истории.

Если бы старым материализмом приять диалектику, а Гегелю — материализма, если бы Робеспьера сделать певцом прогресса, а Кондорса — поклонником равенства, если бы удалить из Томаса Манчэвала все его библиеские бредни, если бы, если бы...

К сожалению, все эти рассуждения напоминают свободные мечты Аграфы Тихоновича: «Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича, да взять сколько-нибудь развязности, какая у Балтазара Балтазаровича, да, пожалуй, прибавить к этому еще дородности Ивана Павловича», — по-то излучился бы славный жених! Категория «прогрессивного писателя» в понимании наших обидливых сладкопевов и является таким собирательным словечком портрета, которому в эстетическом соединении придаются красоты всех времен и народов. В Кирпични не пришло в голову, что если бы губы Никанора Ивановича приставить к носу Ивана Кузьмича (и наоборот), то оба они перестали бы существовать, как живые индивидуальности. Конечно, все великие писатели прошлого творили вопреки своей ограниченности, но ограниченность эта — не внешняя привеска, а результат исторических, классовых условий, черта индивидуальной физиономии писателя. Исторически-ограниченная сторона имеет ближайшее отношение к заслугам писателя перед всемирной историей. Кто этого не знает, тот не усвоил азбучных истин материалистического понимания истории, тот рассуждает отвлеченно.

Вы понимаете, товарищ читатель, что такие рассуждения не способствуют повышению идеального уровня советской литературы. Создать произведения более совершенные, чем «Воскресение» и «Отец Горюно», — не простая задача. Для этого нужно превосходство Балзака и Толстого в смысле понимания жизни, не говоря о чисто художественных условиях. В Кирпични не верит в колдунов, он знает, что прогресс лучше отсталости. Но этого мало для произнесения приговора над Толстым и Балзаком. Даже опровергнув их теоретические и отделить «распутника» от «прасудка» в их произведений можно только с точки зрения марксизма; прогрессивной фразеологии они не бояться.

Еще несколько слов. Перелестывая книгу В. Кирпични о Пушкине, я натолкнулся на любопытное место (стр. 256): «Родовитая зная приехала презирать торгашество, деньги; надвинувшаяся капиталистическая нравственность она встречала враждебно. Лучшим ее представителем (число которых не следует преувеличивать, — это были единичными) аристократическая критика капитализма, по первоначально своим утопическая и реакционная, предохранила от увлечения буржуазностью, оставляя им возможность симпатии к низам, к крестьянам в данном случае, особенно, если они принимали во внимание патриархальность от ношений между помещиками и крестьянами и смирили на последних из известных долей заботы и т. д.». Трудно поверить своим глазам. И так, Кирпични утверждает, что аристократическая критика капитализма, по первоначально своим утопическая и реакционная, может от чего-то предохранила демократизм и народности писателя. Выразено все это более примитивно и неточно, чем у Г. Лукача. Но одно несомненно: В. Кирпични потянушкой учился у своих противников и сам же публично обвиняет их в красноречии. Одно из двух: либо Кирпични сам проповедует полезность реакционных утопий, либо все его обвинения — сверная демагогия.

Я не обвиняю моих противников в ревизии марксизма. Это слишком громко. «Просто критика» принадлежала к некогда бывшим литературным формациям, они не раз меняли свои воззрения, но сохраняли при всех переменах старые предрассудки. Конечно, эти предрассудки происходят не из большевистских источников. Вот и все. Я не обвиняю Кирпични, Серебрянского, Ермолова и др. в том, что они образуют «течение». Наоборот, наши прогрессисты — весьма разнородны по составу. Их объединяет только надобное чувство ко всякому проявлению творческой мысли, ко всякому новому слову, которое оскорбляет их собственные отсталые взгляды.

В чем суть происходящих литературных споров? Т. Лифшиц, Лукач, Грив, Гомеов и другие представители «течения», о котором говорит тов. Ф. Ленин, сделали в короткий срок все, чтобы запугать спор, свести его с основного пути, завести в дебри схоластики. «Течение» М. Лифшица делает все для того, чтобы актуальнейшие проблемы художественного творчества в литературной теории превратили в пустыне словоблорения о «делах минутиных дней».

Иоганн АЛЬТМАН

Хотя бы во что бы то ни стало сузить рамки принципиальной дискуссии. Променов, отступая, свел все дело к чисто «историко-литературному» спору. То же самое сделали Лифшиц, Лукач и Грив. Не удается обойти основные вопросы! Обида «течения» М. Лифшица и Г. Лукача нельзя отнести только к истории литературы. В дискуссии уже затронуто — помимо воли «течения» — вопросы, имеющие антагонистическое значение для социалистической литературы. Уже в самом начале споров полностью обнаружилось то несомненное объективизм, а на самом деле беспримерный субъективизм, который характеризует работу упомянутой группы за последние годы.

Я не стану, подобно Александру, продолжать «течение», что оно читало. Одно для меня несомненно: «течение» ревизует основы марксистско-ленинской теории литературы. Все обсужденные актуальнейшие проблемы художественного творчества и литературной теории я не вижу надобности спорить.

Основная и крупнейшая ошибка «течения»: оно извращает теорию марксистско-ленинизма в важнейшем вопросе — о наследстве. Товарищ Сталин в своей работе «О диалектическом и историческом материализме» подчеркнул значение общественных идей и особенно — величайшее значение передовых идей.

Как указал товарищ Сталин, есть отжившие идеи и теории, значение которых состоит в том, что они тормозят развитие общества, его продвижение вперед, и бывают передовые идеи, теории, значение которых состоит в том, что они облегчают развитие общества, его продвижение вперед.

Оппозицией ленинизма является тот огульный подход ко всем великим художникам прошлого (критерий «абстрактной народности»), какой обнаруживает «течение» Лифшица—Лукача.

На самом же деле в этом огульном подходе есть свой определенный метод. В борьбе с вульгарной социологией единым фронтом выступала вся марксистская критика. «Течение», в отличие от всей марксистской критики, предало забвению само понятие классности, классового содержания и широкого марксистского анализа творчества. Склоня на все и всяческие лады слово «народность», это «течение» забыло, что, когда мы говорим о народности, мы имеем в виду передовые идеи народа, прогрессивные народные движения, мощь и творческий гений народа, побеждающий в кошке копы все и всяческие препятствия. Но нельзя забывать, что в прошлом не малочуждые «влиятель» приносились в народ. Народ консолидируется как мощная идейно-политическая, социалистическая, творческая сила лишь после победы пролетарской революции, в процессе всеобщего социалистического строительства. Говоря о «народности», мы имеем в виду великие народно-особобитные гуманистические идеи, идеи труда, идеи свободы, идеи борьбы против всякого гнета, которым был возмущен народ. Т. е. наиболее передовые прогрессивные идеи прошлого, выходящие народ даже в самые тяжелые для него времена.

«Течение» забыло, что величие того или иного классика, черты народности в его творчестве не только не исключают классового содержания творчества классика, но, наоборот, стечень приближают к народу, народность творчества часто находится в прямой зависимости от революционно-демократических идеалов художника. Примеры: Дидро и Лессинг, Бальзак и Чернышевский, Добролюбов и Некрасов, Гейне и Лермонтов, Салтыков-Шенля и Горький. Мы могли бы этот список продолжить.

Игнорирование классового содержания и классового анализа творчества великих художников прошлого создает возможность произвольно, ненаучно, но по-марксистски оперировать такими понятиями, как «народ», «гуманизм», «человечество», «прогресс».

Произвольное оперирование этими понятиями, объективности из «течения» Лифшица — Лукача становится на субъективистскую точку зрения. Такие «превращения» уже бывали в истории общественной мысли...

Объективисты, оперирующие лишь одной абстрактной меркой «народности» (не выходя в конкретный анализ классовой борьбы народа данной страны в данную эпоху) — это те же вульгарные социологи панзапугу. Вульгарные социологи примитивно сводили все проблемы творчества непосредственно к классовой борьбе и, узко понимая роль передового класса, существообразывали рабочий класс, судя то, что им уже совершенно не известно, и представляющие великие задачи его. Мало того, вульгарные социологи «проработывали» почти всю классику за последние десятилетия мировоззрения. «Течение», исходя из той же предвзятости к реакционному мировоззрению великих художников, видит в этом источник их творческой силы.

Получается такой же субъективизм в суждениях, какой характерен для вульгарной социологии. Вот на выдержку несколько примеров из многочисленных ошибочных статей, написанных «течением» за последнее время.

В Грив в последнем номере «Литературной газеты» пишет: «В классической литературе XIX века мы находим целый ряд великих писателей с консервативными или реакционным мировоззрением — Гете, Балзака, Толстой (нехватает еще упомянуть Пушкина. — И. А.). Отчего же тогда Балзака, Гете, Толстой были великими художниками?»

Вульгарные социологи не могли на него ответить, плохо поймав классовый детерминизм, забывая о сложной зависимости идеологии от классового базиса, забывая о сложности классовой борьбы, об общественных идеях, которые не определяются непосредственно производственными отношениями.

Что сделал «течение»? Оно отмахивается от вопроса, произвольно зачисляя в реакционеры то оппого, то другого писателя. Так создается легенда о том, что Гете обладал законченным консервативным или реакционным мировоззрением.

Нам всегда казалось, что основным смыслом всей философии «Фауста» является замечательное, полное глубокое смысла слова из второй части: «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идет на бой». Воль имело это, а не что иное — по Гете — законный вывод мудрости земной.

М. Лифшицу до основного, истинно-революционного, прогрессивного смысла «Фауста» нет никакого дела. В произведении Гете — это понятие любому читателю — суть не в том, что Фауст умирает и что он ошибается, принимая зловония, роющих ему могилу, за шум туловой армии. У Гете более глубокая философская мысль, выраженная всем произведением в целом: никакие Мефистофели, даже если бы им удалось трижды похоронить Фауста, не в силах убить живой, могучий, находящийся в вечном движении, вечно ищущий передовой ум Фауста. Фауст — олицетворение творческой пылкости человеческого разума, его неуловительности, неустойчивости, следовательно — революционности. Лифшиц же понимает это так, будто не Фауст побеждает Мефистофеля силой своего духа, а что в начале — Фауста и Мефистофеля — находится в «трагическом равновесии».

Лифшиц пишет по поводу слов Фауста: «По уму! — это только фантазия. Этим лопат происходит оттого, что леумуры с ушными роют могилу Фаусту. Мефистофель извещает нас воображаемым строительством. Фауст умирает...». Е. Влпшвиц почему-то думает, что в изображении Гете Фауст побеждает Мефистофеля. На самом же деле обе силы — творческое стремление Фауста и разрушительная работа Мефистофеля, положительные и отрицательные стороны цивилизации — остаются у Гете в состоянии трагического равновесия...

Странная, очень странная теория! Еще более странным является тот факт, что мысли Лифшица о Гете, вплоть до отдельных вырванных, совпали с точкой зрения одного архиреакционного литератора-мракобеса, который, так же как и Лифшиц, «аргументирует» эпизодом о леумурах, чтобы окончательно расправиться с «либеральными» взглядами на Гете как на «спервавшего оптимиста».

Клевета на Гете, фальсификация его творчества, превращение его в реакционера — не новшество в истории литературы. Лифшиц и Грив следуют в этом вопросе мещански-реакционным «трагизмам».

Маркс и Энгельс прекрасно разглядели, в чем гениальный Гете был мещанин. В замечательной статье о Карле Грюне Энгельс писал: «Если мы выше рассматривали Гете лишь с одной стороны, то в этом вы исключительно господина Грюна. Он совсем не изображает Гете со стороны его величия. Он спешит протекстовать мимо всего, в чем Гете действительно велик и гениален, например, мимо римских алегий «распутника» Гете, или заливает его широким потоком балласта, чем только доказывает, что тут ему ничего сказать. Зато с редким для него прилежанием он отыскивает все филистерское, все обязательское, все мелкое, группирует все это, утрирует по всем правилам литературного паха и каждый раз радуется, когда ему представляется возможность подменить какую-либо неполноту авторитетом хотя бы и искаженного Гете» (Соч., т. V).

Можно подумать, что «течение» Лифшица—Лукача хочет переиграть Карла Грюна в умении принимать истинных гениев революционного творчества и отрицать все боргерское, мещанское в «наследстве».

Совсем, совсем, как вульгарные социологи.

Перейдем к Толстому. М. Лифшиц писал в 1936 году: «...у Ленина мы нигде не найдем тех, якобы, точных, а на деле вульгарных определений классовой природы Толстого, до которых так падали наши «социологи» («Лит. газета», № 30).

Ленин, наоборот, дал глубочайший и всесторонний анализ содержания и классовой природы художественного творчества Толстого.

Этого не понимает М. Лифшиц. Ленин совершенно четко писал: «По отношению и воспитанию Толстой принадлежал к высшей помещичьей знати в России, — он повал со всеми привычками и взглядами этой среды и, в своих последующих произведениях, обрушился с страстной критикой на все современные государственные, церковные, общественные, экономические порядки, основанные на парабощении масс, на нищете их, на разорении крестьян и мелких хозяев вообще, на пауперизме и лицемерии, которые сверху до низу пронизывают всю современную жизнь» (XIV, 405).

Об этом М. Лифшиц не помнит. Дальше Ленин говорит, что «...Толстой стоит на точке зрения патриархального дворянского крестьянина, Толстой переносит его психологию в свою критику, в свое учение. Критика Толстого потому отличается такой силой чувства, такой страстностью, убедительностью, свежестью, искренностью, бесстрашным стремлением «дойти до корня», найти настоящую причину болей масс, что эта критика действительно отражает переход во взглядах миллионов крестьян, которые только что вышли на свободу из крепостного права и увидели, что эта свобода означает новые

ужасы разорения, голодной смерти, бездомной жизни среди городских «хитроходов» и т. д. Протест миллионов крестьян и их отчаяние — вот что слышно в учении Толстого» (XIV, 405—406).

Ленин, всюду подчеркивая противоречия Толстого, отмечает не только противоречие между «теорией» и творчеством Толстого, а противоречие в самом мировоззрении и в самом творчестве Толстого. Ленин не противопоставляет идеологию — творчеству. Ленин подчеркивает реакционные предрассудки и незрелость политичеких взглядов Толстого (отражение политической незрелости патриархального дворянского крестьянина), которые, несомненно, мешали Толстому, как художнику.

Что делает «течение»? Оно берет лишь ту часть ленинских высказываний, в которой подчеркивается, что Толстой, несмотря на то, что у него был политически предрассудки и отсталые, реакционные взгляды, объективно изобразил действительность силой своего художественного гония и благодаря своей художественной честности. И говорит: «Ага, значит, отсутствие передового мировоззрения не помешало Толстому стать великим художником». О том же, что реакционные предрассудки мешали Толстому стать еще выше, т. е. о том, что разрыв между мировоззрением и творчеством мешал художнику, сужает размах его творчества, об этом — ни слова. Подучается, что мировоззрение для художника в лучшем случае ничего не значит. Во всяком случае реакционные взгляды не мешают его творчеству. И это называется «научный подход!»

Возьмем пример с Балзаком, названный у всех на зубах. Откуда ваши почтенные «теоретики» взяли, что Энгельс пишет в целом о мировоззрении Балзака? Энгельс пишет: «То, что Балзака был вынужден идти против своих собственных классовых симпатий и политический предрассудков, то, что он видел необходимость падения своих излюбленных аристократов и отсталых, из них как людей, не заслуживающих лучшей участи, и то, что он видел настоящих людей будущего там, где в это время их только можно было найти, это я считаю одной из величайших побед реализма, одной из величайших особенностей старика Балзака».

Энгельс пишет о предрассудках. Энгельс пишет о политических симпатиях, но не о политической теории, законченной системе взглядов.

Но как и в случае с Толстым, «течение» пришло к странному выводу, что Балзака был великим художником благодаря своему отсталому «мировоззрению» (Г. Лукач «Балзака — критик Стендаля»).

Грив, отступая во время дискуссии, поправляет: «Балзака создавал свои шедевры не только вопреки, но и вопреки и благодаря своему мировоззрению; прогрессивные стороны его взглядов формировали его великий реализм, консервативные — теснили, ограничивали его». Отметим лока эту уступку, потому что если «течение» действительно поймет, что оно ревизует основы марксистско-ленинской литературной теории, оно поймет, что связь между мировоззрением и творчеством значительно сильнее, чем ему это кажется.

Но и в последней своей статье Грив не может удержаться от того, чтобы не подчеркнуть, что «консервативные стороны балзаковского мышления были во многом неизбежным результатом его прогрессивных сторон(?)».

А еще вчера «течение» имело «стройную» концепцию, что вообще передовое, революционное мировоззрение далеко не обязательно художнику и иногда даже мешает его творчеству...

Мало того: Г. Лукач, путая читателя, желая «поправить» же, не отказывая от своего грубо-ошибочного тезиса о том, что идеологическая слабость помогает художественному творчеству.

Г. Лукач в статье «Марш Радецкого» («Лит. газета», 15 августа 1939 г.) писал: «Дьявольское явление! значительные художественные достоинства этого произведения если не вытекают из идеологической слабости автора, то во всяком случае теснейшим образом связаны с нею. Не будь у Раде его иллюзий, ему вряд ли удалось бы так глубоко загнать во внутренний мир его чиновников и офицеров и представить с такой полнотой и правдивостью...» и т. д.

Выходит, таким образом, что идеологическая слабость и иллюзии помогают писателю. Выходит, что революционный писатель не может представлять мир чиновников и офицеров с такой полнотой и правдивостью.

Что касается того объективизма в литературном творчестве и в литературной теории, который провозгласило «течение», то оно имеет своим основанием, помимо всего прочего, не ленинские позиции в теории познания.

Потомки Карла Грюна, «дела» настоящие или изучая художников современности, «пугают» сложностью разных сторон познания. Поэтому методологический «течение» всегда остается — «с одной стороны» и с другой стороны». Поэтому «течение» все время ищет выходы из запутанного положения и из созданного им будто бы непреодолимого противоречия между пластической, олимпийской объективистской теорией и «текучей эмпирией».

«Течение» забыло об основных требованиях марксистско-ленинской теории познания. «Течение» забыло о том, что в противоречии художественного творчества мы имеем ведущее противоречие, мы ищем то новое, которое побеждает старое. «Течение» забыло, что между теорией и практикой (в том числе и в литературе) не только нет непротивоположности, а, наоборот, есть полное единство. Отгол от философских позиций марксизма-ленинизма пришел «течение» к ревизии важнейших пунктов марксистско-ленинской литературной теории.

К 20-ЛЕТИЮ СОВЕТСКОГО КИНО
Кадры из фильмов. Слева направо: «Человек с ружьем», «Депутат Балтики», «Выборгская сторона» и «Великий гражданин».

Декада белорусского искусства

МИНСК. (От наш. корр.). В белорусском государственном театре оперы и балета прошла с большим успехом премьера новой белорусской оперы «Михася Подгорный».

Опера «Михася Подгорный» написана белорусским композитором Е. К. Тихончиком по либретто поэта Петруса Бровка. В центре оперы образы влюбленных Михася и Марыси, которых стремятся развести кулаки и богачи. Михася прогонит через горнило империалистической войны и становится руководителем революционных сил деревни в 1917 г.

В опере партии Марыси исполняет народная артистка БССР Л. Александровская, Михася — В. Ланин, Змитрава — заслуженный артист БССР М. Денисов, Алпинуша — заслуженный артист БССР И. Муромцев.

Поставил оперу главный режиссер театра В. Златогорский.
«Михася Подгорный» будет показан на предстоящей декаде белорусского искусства в Москве. Кроме этой оперы, на декаду будут показаны оперы «В лугах Польши» («Другая») композитора А. В. Богатырева, по либретто Е. Романовича опера «Кветка счастья» композитора А. Туренкова и балет «Соловей» композитора М. Крошнера.

Первый белорусский государственный драматический театр представляет на декаду две пьесы Коштра Крашны — комедию «Кто смеется последним» и «Партизан», а также пьесу Эд. Самуилена «Гибель волка» и «Последние» М. Горького.

Поэты и артисты в частях РККА

В Москву возвратились две бригады поэтов и артистов, выезжавшие в Н-ские части РККА.

В состав бригад входили поэты: Вл. Друщенко, С. Воложин, Ш. Железнов, Л. Квитко, И. Молчанов, С. Обрадочев, А. Ойслендер, Л. Ошанин и артисты Московского театра Революция: заслуженные артисты О. Абдулов и М. Липини, артисты Г. Белов, Г. Кириллов, А. Морозов, Л. Нельсон и композитор В. Кручинин.

Бригады провели 14 больших литературных утренников и вечеров.
Все выступления прошли с большим успехом.

Драма о народном герое

СИМФЕРОПОЛЬ. (От наш. корр.). Крымским драматургом Юсуфом Болатом и поэтом Юсуфом Бахшиным закончена музыкальная драма «Алима» о легендарном герое крымско-татарского народа первой половины XIX века Алиме Азамат-Оглу. Драма написана на основе архивных документов и устных преданий.

На днях состоялась читка и обсуждение «Алима» в редакции областной газеты «Баян Крым» в кругу писателей, работников театра и печати. Участники обсуждения дали пьесе положительную оценку.

«Алима» принята к постановке. Режиссер спектакля — Г. Джетере, музыку к текстам пьесы пишет Яя Шерфеджинов.

Александра Соколова

А. ГУРВИЧ

С внешней стороны путь, пройденный Александрой Соколовой, героиней фильма «Член правительства», измеряется контрастом первого и последнего кадров. От грязной просолоченной дороги, по которой арестованная «подкупачница», покусавшая миллионером, бредет, сплывающая и падает, — до блестя и величавости Кремлевского дворца, до трибуны Верховного Совета — как от земли до неба. Но по существу путь этот — короткий и прямой.

Такая беспартийную женщину можно пустить на любое бюро райкома, — это сказано Соколовой в самом начале фильма.

К славе своей она приходит так же естественно и незаметно, как приходит человек к своей физической зрелости. Каждый шаг, каждый поступок Соколовой есть живая, самозабвенная и необходимая реакция ее ума и сердца, свободная от какого бы то ни было расчета. Чувства и поступки ее не знают никаких посредников, они одновременно, они сливаются воедино с синхронной чистотой. Она не измеряет ни скорости своего движения, ни его направления, но подгадываемая чистотой намерений и общепартийностью своих собственных интересов, нигде не отклоняется от верного пути.

Вот в чем заключается сила этой, в сущности говоря, слабой женщины. Вот почему сверх всего, что ей необходимо, к ней приходит и власть, и слава, и превосходство.

Можно было бы говорить о некоторых композиционных слабостях интересного сценария К. Вилоратской, о том, что много в нем продиктовано не силой воображения, а логикой, не мудростью, а остроумием, не приписыванием в тайны человеческой природы, а полемическим отталкиванием от штампа и ханжеского «сплошурья» в искусстве. Да, есть в этом сценарии что-то, заставляющее нас вспомнить кадр из «Встречного», где положительный герой, поправ традиции постной экранной жизни коммунистов, опрощая первую рубку волки. Многие тогда подумали: «Наоборот! — вот девиз драматурга». Александра Соколова, ослепленная, возмущенная, смеется и борется что-то невнятное; будущий председатель колхоза, она не находит слов, плачет и покидает собрание, когда от нее ждут зажиточной речи; она горячо и до конца любит не совсем достойного человека; снова сойдя с мужем, она посылает к нему людей, притащенных к ней с режиссерами, и при этом жалует: «Разве я не человек?» И мы сразу забываемся, что этот вопрос обращен не столько к колхозникам, сколько к драматургам и критикам.

Можно было бы говорить о недостатке мужественности в замечательном творчестве А. Зархи и И. Хейфица.

Лениным была как-то высказана совершенно бесспорная и в то же время абсолютно неожиданная мысль: «Недо-

статки у человека являются как бы продолжением его достоинства. Но если достоинства продолжают больше, чем надо, обнаруживаются не тогда, когда надо, и не там, где надо, то они являются недостатками. Вероятно, почти всякий из вас в личной жизни и вообще это наблюдал».

Редко можно встретить мысль, которая была бы так непосредственно близка и необходима художнику. В ней заключен мудрый критерий единства человеческой природы.

«Депутат Балтики» показал необычайно одухотворенность и человечность авторов этой исключительной картины. В каждом кадре ее бьется чуткое сердце художника. Профессор Полежаев, сбитый крупными планом, стоит лицом к лицу со зрителем. Из глаз его текут слезы. Патристично звучит музыка. Это длится долго, очень долго. Но здесь не было сантимента. Строгая, благородная и, я бы сказал, мужественная слеза!

В новом и тоже замечательном фильме Зархи и Хейфица их достоинства порой продолжают больше, чем надо... Как ни мала доля этой погрешности, она придает фильму «Член правительства» наивную чувствительность за счет скрытой внутренней энергии.

Но нужно ли говорить о недостатках сильного художественного произведения? Могут ли они быть устранены? И не оказывают ли они с лихвой всем тем хороши, что найдено драматургом, режиссером и буквально удесятерено прекрасной игрой В. Марецкой?

Александра Соколова вспыльчива, экспансивна. Ей не чужда бабья слезливость, на ее лице порой проскальзывает бескомпромиссная и даже унизительная мольба, — неизгладимая печать тяжелого детства и горькой доли батрачки. Есть в ней и глубокая сосредоточенность и любовная тоска, и взыскательное, полное обаяния и женственности. Соколова живет богатой и беспокойной жизнью, для выражения которой у нее не хватает слов.

Это очень трудно играть. Чем меньше способов выразить себя глубокое чувствующий, впечатлительный человек, тем больше выразительных средств требуется от создающего его образ актера.

Самый выбор Марецкой для роли Александры Соколовой говорит о необычайной художественной проинативности Зархи и Хейфица. Счастливо угадав в Марецкой свою актрису и полностью поверив в ее силы, режиссеры поставили ее перед необходимостью самого трудного и смелого решения задачи: играть лицом к лицу со зрителем, в лоб, без всяких вспомогательных, хитроумных режиссерских уловок, броситься в пучину, заранее зная, что

спасительного круга не будет. И в этом единоразовом со зрителем Марецкая одержала полную победу. Она показала, что талант ее, острый, каскадный, эксцентрический, уже не раз блиставший и признанный, таил в себе много подступных неиспользованных сил, что он значительно шире и глубже, чем можно было думать.

В роли Александры Соколовой Марецкая создала образ новой русской женщины из народа и сумела раскрыть в нем пугающую и переживаемую. Сколько умного, зрелого мастерства и в то же время свежести в игре Марецкой! Неплывучие, резкие вспышки легко возбудимой природы, быстрая перемена настроений, — все это должно найти для себя выход, и молчаливая, небогатая словами женщина, победившая, глазами, голосом, дыханием словом, ритмом каждого своего жеста и шага отражает все движения своего ума и сердца.

Первая встреча Александры Соколовой с секретарем райкома. Она умно и долго молчит, не отвечая на настоятельные вопросы. Трудно пригнать слова, которые были бы здесь красноречивее этого молчания. Как сильно и как понятно говорит Марецкая в эти минуты о своей героине, не произнося ни слова.

Упав в грязь по пути к прокурору, куда ее ведет конный милиционер, Соколова понимает и идет дальше, не замечая, что она упала. Она вполне поглощена своими мыслями и физически не ощущает жизни. Этот кадр вызывает в памяти еще один замечательный момент. Соколова расхаживает с мужем. Она очень любит его, но им не по пути. В течение нескольких минут ей нужно устоять в борьбе с собой, сохранить, удержать свою неприкосновенность. Ей нельзя открыть сердца для мысли о разрыве, о предстоящем одиночестве, иначе она может не устоять. Поэтому на ее лице застыла безумственная мать, дергающая за волосы, голова Александры резко откидывается вперед, влево, но на лице все то же застывшее выражение пустоты и беззащитности, ни один мускул не дрогнул.

А вот совсем другая Соколова. Верхом на лошади, с детской коварной радостью просит она едущих куда-то на поводе колхозников выйти на полевые работы. Лошари подтрунивают над Александрой, обманывают ее, говорят, что едут в больницу. Тогда, внезапно вспыхнув, она спешивается, становится поперек дороги, кричит, ругается, сдерживает лошадей. Это ни к чему не приводит, и тогда строптивая, босая женщина уступает место слабой и растерянной, она слезно умоляет колхозников повернуть назад, но воз трогается

дальше и молотит ухватившуюся за возж Александру по земле.

Этот тройной переход сделан у Марецкой без малейшего оттенка фальши.

Прелестна Марецкая в сцене свадьбы и потом, когда, слегка опьяненная вином, чужим счастьем и своим одиночеством, Соколова возвращается домой, и вслед за этой сценой — дома. Опарашив ударом и охватив ведром воды ворвавшегося к ней пьяного кавалера, Александра хохочет. Неожиданный налет, неслепая борьба, бегство — и все это в одну минуту! Она хохочет искренно и долго, и вдруг с какой-то неспешной правдой хохот этот переходит в трогательную скорбь и плач одинокой, пожалевшей себя женщины.

Здесь необходимо сказать об одном очень значительном и принципиально важном качестве игры Марецкой.

В психических образах, изображающих «революционное» человека, обычно мы наблюдаем то, что на театральном языке по отношению к декорации называется «чистой переменной». Сохраняется только грим и имя героя. Человек же, виденный нами вначале, в конце подменяется другим. Анархическая натура становится образцом дисциплинированности, сангвиник — холериком, индивидуалист — гражданским будущим коммунистическим обществом. Но человек может быть только самим собой. Далеко от себя не уйдешь. Характерами людей не обмениваются даже тогда, когда гигантскими шагами идут в гору. И нет в человеке двух начал. Вспомним: наши недостатки являются как бы продолжением наших достоинств.

В фильме «Член правительства» сохранены характеры.

Это относится и к В. Вапшину, великолепно играющему Ефима Соколова. Удар кулаком в лицо, который наносит Ефим своей жене в самом начале фильма, и проведенная Вапшиным с тонким юмором сцена в коровнике обнаруживают одного и того же человека, несмотря на то, что и характер действий и позиция Соколова в этих сценах прямо противоположны. Имя и здесь стимул поведения один — честолюбивая боль превосходства жены («Я здесь хозяин!»).

Что же касается Марецкой, то она не только на всем протяжении фильма, при самых различных обстоятельствах, сохраняет единство характера Соколовой. Большего того. Соколова у Марецкой до конца несет в себе всю свою прошедшую жизнь. Она не выпрыгивает из себя, а продолжает. В каждый значительный момент образ Соколовой не ограничен данностью, она — итог всей жизни. В нем его прошлое, его биография. Это значит, что Марецкая очень близко подошла здесь к природе, в которой ничего не пропадает.

Театр кукол на Камчатке

ХАБАРОВСК. (От наш. корр.). В суровые зимние дни на необитаемых просторах далекой Камчатки можно встретить две босяцких упряжки. Одна везет на нартах пять человек и необычайный в этих местах груз: легкие ширмы, сундуки с кулами и т. д. Это советский очередающий театр кукол, в составе артистов Державинского, Котельникова, Сахарова, Корнилова и балетиста Гольного.

Четыре года существует этот театр. Пробрался по рекам и затерянным в тайге тропинкам, пять советских артистов несут свое искусство в самые глухие уголки.

Интересен один из последних маршрутов театра, во время которого ему пришлось пройти на собаках 2400 километров.

Погузав свой скромный багаж и специнское оборудование на пародок, труппа отплыла из Петропавловска в Анадырь. Оттуда на собаках добралась до Чукотского районного центра — селения Марково. Затем предстояло путешествие на нартах в триста километров до села Пошино (Чукотский национальный округ) с остановкой в Усть-Белом.

Артисты посетили оленеводческий совхоз Слауние, колхоз Аляно-Ламутский и Коряковскую районную клубную. Здесь начался наиболее трудный и сложный участок пути. Надо было добраться до зимы Корфа, в центр Алянского района — село Тилчички, где имеются рыбные комбинаты. Шли на нартах через хребты, покрытые вечными снегами.

Вернувшись из Тилчички в Петропавловск на пароходе, театр вскоре отправился в новое путешествие — на Западное побережье Камчатки.

В репертуаре театра пьесы: «Синьор Помпидорич», «Гусеница», «Три поросенка», «Ладный ворон» и «Хозяин и пастух», инсценированные корейские и чукотские сказки, астраханские программы. За четыре года театр посетил около 200 населенных пунктов и дал свыше 450 спектаклей.

Интересные факты о росте культуры на наших далеких окраинах сообщает товарищ, участвующий в этих гастролях. В чукотском селении Марково, например, существует драматический кружок, руководимый народным судьей Т. Зювин. Здесь же под руководством скрипки-кампальца работает струнный кружок. Художественной самостоятельностью в Усть-Белом руководит учитель местной школы и заведующий факторией Драгачевский кружок колхоза Вывены, расположенного от Тилчички на расстоянии шестидесяти километров, осуществил уже четыре постановки. Сейчас драмкружок подготавливает постановку «Юра Булычев».

Рассказы для эстрады

Сборник рассказов для эстрады Илья Ильича и Евгения Петрова выпустило издательство «Искусство». В разделе «Безмятежная тумба» и «Как создавался Робинзон» напечатаны очерки и фельетоны: «Лента», «Последняя встреча», «Чувство моря», «Безликие дни века», «Блеск и одиночество», «Человек с гусем» и многие другие. В сборник вошли открытки и монетки из 12 субъектов, «Золотого теленка» и «Одноэтажной Америки».

Эдуард ТИССЭ
Заслуженный деятель искусства

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ

Советская кинематография зарождалась в огне гражданской войны.

Весной 1918 г. небольшая группа советских киноработников: Г. Большаков, Данил Вертов, Петр Новикский, Луи Форесте, Ермолов, Левинский и я решили заняться агитфильмами для фронта. Но как достать киноленту? Частные хозяинки попрали ее в подвалах, зарыли в землю. С большим трудом, как клад, расковыряли мы нужную нам негативную пленку.

В годы гражданской войны очень немногочисленные кадры советских кинематографов были на фронте. Перед нами стояла огромная задача — запечатлеть героические эпизоды первых лет гражданской войны и становления советской власти. Мы ехали на фронт с несколькими сотнями метров пленки, часто очень недоброкачественной. Но и эти «облагодетельствованные» при сьемках приходилось расхоловать с величайшей экономией.

На фронте одновременно с киноемкой приходилось выполнять и военные задания. Я, к примеру, выехав в 1918 г. на Базанский фронт, в тыл к чехословакам, являлся начальником штаба девяти партизанских отрядов. Эти отряды принимали участие во взятии Мензелинска, Байсарова, вплоть до Уфы. В этих местах удалось заснять ряд боевых эпизодов.

Потом мне пришлось побывать на других фронтах.

Особенно запечатлелись замечательные подвиги с Первой Конной. Я побывал на польском фронте, а затем — на врангелевском, промыв вместе с бойцами Первой Конной весь ее славный путь, через Сиваш и Перекоп к Черному морю.

До сих пор я бережно храню выданный мне 7 ноября 1920 г. Реввоенсоветом Первой Конной армии мандат с личными подписями К. В. Ворошилова и С. М. Буденного.

Осеню 1919 г., когда молодая советская республика ожесточенно боролась с окружающими ее врагами, когда все было брошено на фронт для защиты и укрепления советской власти, В. И. Ленин подписал декрет о национализации кинопромышленности.

«Из всех искусств для нас важнейшим является кино», — сказал Владимир Ильич Ленин.

Жалкое наследство осталось нам от кинематографии царской России. Несколько частных небольших киностудий в Москве: Халдункова, Ермолова, Талдыкина. Несколько полуманьящих юттеров, три киноапарата — вот все имущество.

Русская дореволюционная кинематография в последние годы своего существования пыталась «обновить» с участием Веры Холодной, И. Мазухина, В. Максимова. В первые годы гражданской войны эти старые русские фильмы, типа «У Каминана», с главным образом американские фильмы, вроде «Тайны Нью-Йорка», заполняли экраны Москвы и других городов.

Записки кинооператора

Советских фильмов не было. Но были все же первые попытки их создать.

Помню, как еще в 1918 г. в студии Скобелевского кинотеатра я вместе с кинооператором Дором, под руководством режиссера Аркадия снимаю фильм «Сигнал». Этот первый советский агитационный фильм о восстановлении железнодорожного транспорта снимался три месяца и был выпущен тиражом в... 2 экземпляра.

В 1919 г. на Оренбургском и Челябинском фронте я вместе с кинорежиссером Буденным снимаю фильм «Взятие Оренбурга и завоевание Урала».

По приезде в Москву, в 1919 г., я принял участие в сьемках двух агитационных фильмов: «Так не должно быть» и «На мужицкой земле» (о борьбе крестьян с помещиками). Сьемки происходили под Москвой, в Кушневе и Варшаве.

Зима 1920 года. Началось восстановление старых киностудий. Возникает советское кинопроизводство.

Нужно, как и вместе с кинорежиссером, ныне народным артистом республикой В. Гаршиным, привлек в Ермоловское кинотеатр около Братского вокзала. После нескольких лет перерыва открылись двери старого кинотеатра. В холлном помещении мы нанесли 6 юттеров и один внешний проектор. И вот небольшая группа энтузиастов во главе с В. Гаршиным приступила к сьемкам первого советского художественного фильма «Сердце и молот». Тема фильма — борьба с кулаками, которые прятали хлеб. Актерами были В. Пузыркин и ученики первой советской киношколы. Киношкола находилась в холле киностудии.

Так был создан первый советский полнометражный художественный фильм.

Небольшая ячейка советских кинематографов росла. К нам пришли мастера-кинооператоры: Висковский, Пересталин, Сабельский, Абам Роом, Кузнецов, Разуцкий, Жезлабужский. В двух реорганизованных старых киностудиях — быв. Халдункова на Житной улице и «Рубль» в Петровском парке — стали сниматься боль-

шие советские художественные фильмы. Появились фильмы: «Ставционный смотритель» с участием И. Москвина, «Ересь» с участием Г. Доры.

В фильмах 1921—1924 г. были только лишь поиски советского стиля кинематографии, сильно сказывалось влияние иностранных авантюристов фильмов.

«Кино есть величайшее средство массовой агитации. Задача — взять это дело в свои руки», — сказал в 1924 году товарищ Сталин с трибуны XIII съезда ВЦИК(б).

Указание двух величайших гениев человечества — Ленина и Сталина явилось программой действия для наших киноработников.

В 1924 г. появляется фильм С. Эйзенштейна «Стачка». Это уже был некоторый итог исканий. Затем в Грузии выходит второй замечательный фильм — «Красная дзюльета» Пересталина — о героике гражданской войны, на Украине появляется «Арена» Довженко. И как завершение всех экспериментов различных школ и направлений, существовавших тогда в советском кино, в 1925 г. на экран выстучается блистательное произведение советского киноискусства — «Броненосец Потемкин» С. Эйзенштейна. Этот историко-революционный фильм встретил восторженный прием не только у советских зрителей. «Броненосец Потемкин» — первый советский художественный фильм, пробивший брешь — окно — в Европу, первый советский фильм, получивший признание за границей, во всем мире.

Любопытно отметить, что фильм «Броненосец Потемкин» снимался 2½ месяца (об этих темах киноискусство не надо сейчас забывать нашим кинематографам). Сьемки начались осенью в Одессе и Севастополе, а в декабре 1925 г. в Большом театре, на торжественном вечере, посвященном 20-летию революции 1905 года, состоялся премьерный показ.

Фильмом «Броненосец Потемкин» закончилась эпоха советского немого фильма. Когтя С. Эйзенштейна увидел смонтированный им фильм, он мне сказал: — Эй! Жалко, что нет звука...

Велел за «Броненосец Потемкин» выкупать прекрасные фильмы: «Мать», «Волочай Санкт-Петербурга» В. Пузыркина и фильм Эйзенштейна «Октябрь».

В 1929 г. в кино произошла революция. В Америке появляется первый звуковой игровой фильм «Сани-Бой» с участием артиста Олд Джосона.

Совкино в 1929 г. командировало С. Эйзенштейна, Г. Александрова и меня в длительную поездку за границу для изучения европейско-американской кинотехники и освоения техники звукового фильма. Мы побывали в 13 странах мира, снимали экспериментальные фильмы в Германии, Франции, Швейцарии, Америке. Старались изучить не только звук, но и организацию киноискусства.

Когда мы увидели первый звуковой американский фильм «Сани-Бой», нам стало ясно, что все наши достижения в немого кино ликвидировались, ибо звуковое кино в Америке механически перенесло театр на экран. И не случайно появившийся в 1931 г. нашей первой художественной звуковой картины «Лутевка в жизни» П. Эйка стало откровением для Зинаида. В советском звуковом фильме были соединены, при всех новых условиях звуковой киноискусства, лучшие традиции немого кино.

«Путевка в жизнь» через пять лет после «Броненосца Потемкина» вновь завоевала мировой экран уже звуковым фильмом.

Вскоре появляется второй прекрасный звуковой фильм «Встречный» Ф. Эрлера и С. Юткевича.

Наконец, в 1934 г. на экраны страны выстучается народный фильм «Чапаев» Г. и С. Васильевых. Этот великолепный, эпохальный фильм сыграл огромную роль в истории советской кинематографии. «Чапаев» утверждал стиль социалистического реализма в киноискусстве и до сих пор является непревзойденным мировым достижением в кинематографии.

Значение фильма «Чапаев» подчеркнул товарищ Сталин в своем приветствии советским кинематографам в связи с 15-летием советского кино:

«Советская власть», — писал в своем приветствии товарищ Сталин, — жлет от вас новых успехов — новых фильмов, представляющих подобно «Чапаеву» великие исторические дела борьбы за власть рабочих и крестьян Советского Союза, мобилирующих на выполнение новых задач и выполняющих их как о достижениях, так и о трудностях социалистической стройки».

Товарищ Сталин признавал мастеров кино смелое проникать в новую область киноискусства, звал к дальнейшему творческому походу.

Вскоре советская кинематография вы-

пустила ряд больших, волнующих фильмов: «Мы из Кропштадта» В. Висневского и Еф. Дзигана, «Депутат Балтики» Рахманова, А. Зархи и И. Хейфица.

Огромное советское кино приступило к решению величайшей задачи — созданию образов Ленина и Сталина. Фильмы «Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 году» А. Каплера и М. Ромма, «Великое зарево» М. Чаурели, «Человек с ружьем» Н. Попова и С. Юткевича вошли в золотой фонд советской кинематографии. Последние годы принесли советскому зрителю также произведения киноискусства, как «Великий гражданин», трилогия о великом русском писателе А. М. Горьком и большевике Максиме, «Шорс», «Петр Первый», «Александр Невский», вышедший только на днях фильм «Член правительства».

Развитие советской кинематографии неразрывно связано с ростом советской литературы, с творчеством выдающихся писателей: А. Толстого, А. Фадеева, В. Висневского, Н. Подогина, П. Павленко, В. Ивановна.

Перед советской кинематографией — огромные задачи и перспективы. Еще не разрешена проблема цветного кино. Только алчные кинорежиссеры работают над цветом в кино. После появления цветных фильмов — «Солвей-солушвик» и «Сорочинская ярмарка» зритель пока не увидел ничего нового. Надо дальше вкладывать творческую мысль кинематографов для новых достижений в цветном кино.

А расширение киноэкрана, получение стереоскопии, — какая это огромная перспектива! Мы стремимся развить рамки киноэкрана, сделать большой масштабный экран для демонстрации эпопейных фильмов. Это новое изобретение в кино, на котором сейчас работает группа советских кинематографов, произведет переворот в кинематографии.

Исключительное внимание нашей партии и лично товарища Сталина к вопросам развития советского кино и к работе киноработников вселяет в нас огромную радость, уверенность и желание создавать для советского народа новые кинопроизведения, достойные великой сталинской эпохи.

Герцен и Толстой

В Толстовской комиссии Института мировой литературы им. А. М. Горького Н. Гусев сделал на днях сообщение о взаимоотношениях Герцена и Толстого по своим личным воспоминаниям и неопубликованным материалам.

— Л. Н. Толстой, — рассказывает Н. Гусев, — начал читать Герцена в 1856 г., и в его дневниках за период 1856—60 гг. имеются неоднократные сочувственные отзывы о Герцене и его взглядах. В марте 1861 г. в Лондоне состоялась личная встреча Толстого с Герценом. Герцен провез тогда на Толстого обязательное впечатление. За время пребывания за границей в 1861 г. Л. Н. Толстой прислал Герцену три письма — от 20 марта, 26 марта и 9 апреля по новому стилю.

В этих неопубликованных еще до сих пор письмах Л. Н. Толстой выражает свои дружеские чувства Герцену, сочувствует его взглядам и делится своими творческими замыслами.

Переписка Л. Н. Толстого с Герценом относится к моменту, когда в России была только что провозглашена в манифесте 19 февраля 1861 г. крестьянская реформа.

В письме от 26 марта Л. Н. Толстой пишет Герцену:

«Как вам понравился манифест? Я его читал нынче по-русски и не понимаю, для кого он написан. Мужики ни слова не поймут, а мы ни слова не поверим».

В следующем письме от 9 апреля Л. Н. Толстой снова пишет Герцену:

«Читали ли вы подробные положения об освобождении? Я нахожу, что это совершенно напрасная болтовня».

В письме от 26 марта Л. Н. Толстой делится с Герценом своим замыслом написать роман о декабристах и спрашивает его мнение:

«Скажите, пожалуйста, что вы думаете в принципе и своевременности такого сюжета?»

К сожалению, ответное письмо Герцена осталось неизвестным. Но, судя по письму Л. Н. Толстого от 9 апреля, Герцен ответил на его запрос по поводу романа о декабристах. В этом третьем письме Л. Н. Толстой пишет:

«Нину только, чтобы вас поблагодарить за «Колокол» и добрый совет о романе».

Нина, в том же письме, Л. Н. Толстой добавляет:

«За слишком лестное мнение о мне не благодарю, оно вредно».

С 1856 г., когда Л. Н. Толстой, по слову Ленина, окончательно «справил со всеми привычными взглядами своей среды», отношение его к Герцену приобретает восторженный характер. Судя по ответам Толстого на статьи Герцена, его восхищает в нем смелость искания, уничтожающая критика европейской и американской государственных форм и всей буржуазной цивилизации, вера его в твор-

ческие силы трудового народа и в великое будущее России, его надежды на крестьянскую общину и развитие артельного начала в русском народе. Л. Н. Толстой неоднократно повторял презрительную кличку «Чингис-хан с телеграфами», которую Герцен дал царскому правительству. Так Толстой был первоначально назван статья «Пора понять», написанная в 1909 г. В этой статье Толстой писал:

«В настоящее время русское правительство находится вполне в том положении, о котором с ужасом говорил Герцен. Оно теперь тот самый Чингис-хан с телеграфами, возможность которого так ужасала его. И Чингис-хан не только с телеграфами, но и с конституцией, с двумя палатами, прессой, политическими партиями et tout le tremblant».

Л. Н. Толстой высоко ценит публицистику Герцена, присущую ей, по его выражению, «герценовскую изюминку». Недаром, желая похвалить журнал «Свободная мысль», издававшийся в 1899 г. Бирюковом в Железе, Толстой пишет:

«Есть изюминка герценовская. Так и нужно. И тут нужен особый такт, чтобы была изюминка и между тем не уходила бы все кислоты при пенью, чтобы не было пресно и не была одна пенья».

Не менее высоко Л. Н. Толстой ценил художественный талант Герцена. Переписка в 1905 г. художественные произведения Герцена, Л. Н. Толстой выражался так:

«Герцен не уступит Пушкину. Где хотите откройте — везде превосходно».

В этом же смысле интересно привести слова, сказанные Л. Н. Толстым в 1890 г. в разговоре с Г. А. Русановым.

«У нас кого читать, много ли у нас великих писателей? Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Герцен, Достоевский,屠格涅в и (без должной скромности). Некоторые прибавили Тургенева и Гончарова. Ну вот и все! Вот один из них выкинуть. Не существует для публики — невозможна утрата».

Н. Н. Гусев вспоминает фразу, сказанную Л. Н. Толстым в 1908 г.

«Перед Герценом я всегда преклонялся». Этим же летом Л. Н. Толстой, в беседе с гостиницами в Ясной Поляне двумя студентами, увлекавшимися Владимиром Соловьевым, говорил:

«Людям надо пройти известные этапы в жизни, которых они не могут миновать. Разумеется, такой человек, как Герцен, не проходит их. Он скачет стремглав. Он даже перескочит то место, где ему надо остановиться».

Полностью эти новые материалы о взаимоотношениях Герцена и Толстого будут напечатаны в очередном выпуске «Литературного наследства», посвященном Герцену.

Литературный Биробиджан

БИРОБИДЖАН (От наш. корр.). В Биробиджане оформлена местная писательская группа в составе прозаиков: Б. Миллера, Г. Рабиновича, С. Боржеса, Л. Вассермана, поэтов И. Брофмана, Д. Гофштейна, М. Грумман, Тайшим головою избран председателем группы избран Б. Миллер.

Писательская группа наметила план устройства литературных декадашек, на которых будут обсуждаться новые произведения местных писателей.

В течение прошлого года было выпущено 4 номера литературного журнала «Форпост». В них среди других материалов были напечатаны: два акта из пьесы Г. Рабиновича «Рувим Бурлес», которая принята к постановке Биробиджанским театром, два рассказа и две сказки Б. Миллера, рассказы Л. Вассермана, очерки С. Боржеса, стихи Брофмана, Гофштейна, Грумман, Бергмана. Четвертый номер журнала был посвящен 60-летию со дня рождения товарища Сталина и выборам в местные Советы.

Среди критического материала в журнале были помещены две статьи Г. Бойдара о романах Шолом-Алейхема и Д. Ригера — о современной еврейской литературе и критике.

Сейчас готовится очередной журнал, первый номер этого года. В нем появятся произведения биробиджанских писателей: будут напечатаны: статья драматурга И. Добрушина о народном артисте СССР С. Михоэлсе и переведенные на еврейский язык главы из романа Штейнбека «Гроздь гнева».

Коллективная книга писателей Грузии

ТБИЛИСИ. (От наш. корр.). В связи с шестидесятилетием со дня рождения товарища Сталина советские писатели Грузии создали большую коллективную книгу-сборник «Вождю».

Сборник открывают стихотворением Галактиона Табидзе «Горы», в котором рисуется тяжелое прошлое и светлое настоящее родины великого Сталина.

Детству и юности Сталина посвящены помещенные в сборнике главы из трилогии К. Гамсахурдия «Вождь» и из романа Д. Шугаева «Юность». Этот же период жизни товарища Сталина рисуют К. Клышавили в повести «Случай в старом Горы», А. Машавадзе в стихотворении «Рождение» и А.н. Хахушавили в повести «Друзья».

На отдельных эпизодах из юнического периода жизни Сталина построены стихи Ш. Гриншавили «Осеню» и Ал. Гомиашвили «Базазестское озеро» и новелла А.к. Бельшавили «Мечта поэта».

Картины революционной деятельности товарища Сталина в Грузии обрисованы в новелле Ш. Дадияни «В металл», в поэме В. Гапришавили «Море и вождь» и С. Зули «Автор эпохи», а также в рассказах Д. Чхиквадзе «Не знающий равного себе» и Э.л. Полумурджиана «Перед рассветом».

Образ соратников товарища Сталина, мужественных революционеров — Лало Кецохели и Ваши Цукундзе — обрисованы в поэмах С. Чичоани «Собрать вождя» и Ираклии Абашидзе «Смерть Цукундзе». Поэт К. Коладзе свое стихотворение посвящает верному ученику товарища Сталина — Л. П. Берия.

Образ Сталина, как заботливого отца и друга народов, дан в новелле Лео Киацели «Сталин». Любовь и преданность народу к Сталину, вдохновляющая роль Сталина в борьбе народа за свое освобождение отобразены в стихотворениях: Р. Гветозе «Портрет Сталина», С. Шаншиавили «Образ Сталина», В. Габикшавили «Тост за вождя», Т. Джабунашвили «Встреча» и повести: Ал. Куатали «Лодочник», В. Чхеидзе «Зеленый камень», Л. Метрели «Пастух Тевдоре» и Л. Валиадури «Секрет».

Родные вожди — городу Горы посвящены стихи Ило Мосашивили «Домик вождя», Г. Абашидзе «Основоложник», В. Горгалдзе «Джамбул в Горы», Л. Кучишвили «Там, где родился вождь», Х. Варлошвили «Картинное небо», К. Бобухидзе «Родина вождя», Г. Кахотадзе «В горняцких салях» и Г. Колтапалдзе «Горняцкая крестость».

Кроме того, в сборнике напечатаны стихотворения Ал. Абашидзе «К Сталину», К. Чичинадзе «Вождю народа», С. Тавадзе «Вождю» и И. Лисавили «Сталин». Заключается сборник воспоминаниями о Сталине писательницы Н. Накашидзе и Геронтия Кицодзе.

Книга иллюстрирована рисунками грузинских художников.

Памяти И. И. Горбунова-Посадова

12 февраля в Москве скончался писатель Иван Иванович Горбунов-Посадов. Иван Иванович родился 4/17 апреля 1894 г. в семье инженера-механика Игорского завода под Петербургом.

С раннего детства он жил и вырос в самой гуще рабочих масс. Их тяжелые условия жизни и труда в 70—80 годах глубоко впечатлелись восприимчивым мальчиком и на всю жизнь определили направление его деятельности.

Вместе с тем, едва научившись читать, он с жаром отдался изучению художественной литературы, причем трудовые гражданские мотивы захватывали его с особенной силой. Это направление он сохранил от первого напечатанного в 1881 году стихотворения «К памятник Некрасова» и первой прозаической статьи в газете «Улей» (по поводу трагедии Салтыкова-Щедрина) и до конца жизни.

Лишь после Октябрьской революции смогли выйти изобрести стихотворений Горбунова-Посадова: в 1920 г. «Освобождение человека», в 1928 г. «Песня братства и свободы и наброски в прозе», куда вошли и его стихотворные переводы Соэля Прилома, Болтера и др.

Еще 20-летним юношей И. И. становится ревностным сотрудником основанного в 1888 г. Л. Н. Толстым, В. Г. Чертовым и П. И. Бирюковым книгоиздательства «Посредник», первого издательства, сумевшего проникнуть в самые глубокие народные массы. Начав работать книгошопей, он с 1907 г. — бессменный руководитель «Посредника».

В числе сотрудников «Посредника» были Гаршин, Короленко, Горький, Лес-

ков, Чехов и др.; художники Репин, Г. Бем, Ярошенко, Касаткин, Суриков и др. Но главным сотрудником и вдохновителем был Л. Н. Толстой, которого и И. И. связывали уже долгие годы личной дружбы.

Издания «Посредника» с первых лет его существования подвергались жесточайшим гонениям со стороны цензуры, а руководителем «Посредника», Горбунов-Посадов, начиная с 1907 г. судебным и административным преследованиям (17 процессов). Наряду с литературной работой И. И. деятельно откликался на особо острые народные нужды.

После Октябрьской революции И. И. продолжал работу в области детской литературы, был много лет членом Государственного ученого совета при Наркомпросе, принимал участие в редактировании академического издания полного собрания сочинения Л. Н. Толстого.

Последние годы, переутомившись 60-летним непрерывной работой, Иван Иванович тяжело болел и был вынужден отойти от литературной и общественной деятельности. Советское правительство начало ему персональную пенсию.

Прощаясь с И. И. Горбуновым-Посадовым, хочется высказать ему по личному опыту и по отзывам на дороге, кристально чистого человека и отзывчивого товарища.

В. Бонч-Бруевич, С. Л. Толстой, О. Толстая, А. Гольденвейзер, Н. Гудий, Н. Гусев, М. Цыповский, Н. Родионов, В. Чертов, Н. Горленко-Ляхович, М. Булыгин, Г. Волков, М. Т. Мурзеева, А. Сергеев.

Вечер памяти Теучж Цуга

Памяти Теучж Цуга, недавно умершего народного поэта Адгеев, был посвящен декадник секции народного творчества.

С докладом о жизни и творчестве Цуга выступили его переводчик тов. Е. Н. Черныш, много работавший с адгеевцем. Он рассказал о тяжелой кипевшей жизни адгеева раньше, об огромном внимании, которым был окружен поэт в последние годы своей жизни, о его страстной поэтической одержимости.

— Две основные черты характеры для творчества Цуга, — говорит г. Черныш, — это большое историческое чутье и глубокий реализм, пронизывающий все произведения адгеева.

В 1938 г., создавая поэму «Востание бедняков», Цуг ходит по аулам, высматривает стариков, расспрашивает у них все, что им известно о востании.

Тов. Черныш говорит о том огромном влиянии, которое оказала на поэму Цуга пушкинская «Полтава», услышанная адгеевым впервые в адгеевском переводе незадолго до его смерти. Он говорит, как заботился адгеев о росте и благосостоянии своего колхоза, как ломал он обычаи и традиции в собственной семье, как рвался надрывно к ордену:

Как мне принять мою награду,
Страны высокое признание,
Бессмертный дар моей страны.
Когда приму думая руками,
Не покажут ли слишком жадным?
Одной рукой — большое спасибо,
Смогу ли прочно сохранить?
Нет! Две руки и с ними сердце
Протягну за наградою.

С воспоминаниями о Цуге выступили профессор И. Н. Розанов, обрисовавший обязательный образ поэта, и писатель Шалва Сосалия, рассказавший о своей первой встрече с Цугом.

Об оригинальности, своеобразии, красоте адгеевских мелодий говорил композитор А. Гребнев, работающий над музыкальным фольклором Адгеев.

Затем были прочитаны отрывки из произведения Цуга на адгеевском языке, построении этих произведений и литературные переводы тов. Черныша.

Принципиальный вопрос о переводах поставила в переписке А. Г. Говора, что многие переводчики, не зная языка, пользуются зачастую недостаточными точными подстрочниками, она утверждает, что специфика произведения, его образной силы и рядом при переводе утрачиваются. Ознакомление с подстрочным переводом отрывка из произведения Цуга, сделанного здесь же на заседании адгеевским поэтом Евтых, подтвердило ее слова. Присоединяясь к мнению г. Говора, И. Н. Розанов предлагает в будущем невозможности дать стихотворный перевод, адекватный оригиналу, заказать тогда высококачественный прозаический перевод. В переписке высказались т. Синельников, А. Евтых, Ш. Сосалия, А. Вассерман и др., отмечавшие значительность проделанной т. Чернышем работы.

В заключительном слове председатель секции народного творчества академик Ю. М. Соколов подвел итоги всему сказанному на заседании и остановился на теоретических вопросах, призывая переводчиков изучать национальные языки.

С. ЖИСЛИНА.

Мастера искусства об искусстве

Вышла третья книга четырехтомной серии «Мастера искусства об искусстве», выпускаемая издательством «Искусство». В книге напечатаны избранные отрывки из писем, дневников, речей и трактатов художников второй половины XIX века Э. Мане, Э. Буффона, Э. Дега, К. Моне, К. Писсаро, А. Сислея, О. Ренуара, П. Сезанна, В. Ван-Гога, П. Гогена, М. Либера, К. Неня, О. Родена и П. Синьяка. Книга богато иллюстрирована.

Литературная газета

6 № 9

ЮБИЛЕЙ М. С. КРЮКОВОЙ

В марте будет отмечаться 60-летие творческой деятельности известной архаической сказительницы-орденосницы Марфы Семеновны Крюковой.

Вот уже третий год на родину М. С. Крюковой, в деревню Зинья Золотая, ездит фольклористы З. Борозина-Морозова и Р. Липец, для записи от Марфы Семеновны устного народного творчества.

Большой и ценный материал удалось собрать Липец и Морозовой в 1939 г. Особый интерес представляют записанные ими двенадцать былин Крюковой. Это в основном «былины-сказки»: одна из них «Про Ногай-птицу», размером в восемь печатных листов. Таким образом из репертуара сказительницы теперь уже записано сто шестьдесят пять былин.

Эти двенадцать былин волею в II и III томах были М. С. Крюковой (I том «Былины» напечатан в 6-м номере «Летопись» Государственного литературного музея).

Интересно отметить, что две былины — «Бой Ильи Муромца с дочерью полчища» и «Добрыня и Марина» — записаны после поездки Марфы Семеновны в Киев.

В апреле — мае 1939 г. сказительница была в творческой командировке на Украину и впервые увидела воочию все, знающее ей по былинам места. В новых текстах Крюковой появилось иное, более подробное, описание городов Киева и Чернигова, которого нет в былинах, записанных от нее ранее.

Кроме былин, от Крюковой записаны еще и песни: исторические о Петре I, рекрутские, лирические и другие, свадебный обряд о 166 песнях, шесть сказок, четырнадцать двенадцать поговорок, поговорок, скороговорок.

«Песни счастливого народа»

СИМФЕРОПОЛЬ. (От наш. корр.). В Крымском государственном издательстве вышел из печати сборник «Песни счастливого народа» (по материалам Крымского научно-исследовательского института языка и литературы им. Пушкина). Составитель сборника К. Джаманакли.

В сборник вошли песни народных певцов-келав: известного в Крыму Джанжи-Шарфина, Зиньяна Джемева, Меладжи-Карта, Салтевой Ариффе, Смаила Салета, а также песни, записанные от рабочих и колхозников.

Подводя итоги двухлетней работы с начинающими драматургами, т. Файко затронул общую проблему воспитания молодых авторов. — Большинство писателей, — говорит он, — стоят в стороне от этой работы — одни считают ее почетной и полезной, но скучной и неинтересной, другие ограничиваются тем, что критикуют, но не помогают, а третьи отсылают к ней явно отрицательно. Но все это не что иное, как нежелание помочь талантливым молодежи.

Тов. Файко отметил большую работу, проделанную членами комиссии в прошлом, но подчеркнул критике не оправдавшие себя методы этой работы, когда почти все авторы получали в рецензиях слишком обнадеживающую оценку своих пьес, что вызвало у многих неоправданное самонадеяние.

Из 454 пьес, просмотренных за прошедший год, только около трех процентов оказались в какой-то мере достойным внимания. Такое большое количество явно не годных пьес т. Файко объясняет легкостью и безответственным отношением большинства начинающих авторов, которые берутся за драматургию чаще всего только потому, что пьесу можно написать быстро, а главное — это выгодно. Многие пьесы написаны с точки зрения законов драматургии правильно — в них есть и кульминационная точка, и завязка, и развязка, но ни в языке, ни в композиции, ни в замысле, ни в деталях построения нет ничего, что свидетельствовало бы о талантливости автора, его самобытности.

— Отсюда, — говорит Файко, — появляются те знаменитые «тематические сюжеты», которые буквально заполнили наши литконсультации, издательства, театры. Сначала это были пьесы о диверсантах, затем о клетчатках, сейчас о Западной Белоруссии и Западной Украине. И все же прошли мимо этой драматической продукции пьесы, так как за ней стоят живые люди, которые приходят с оби-

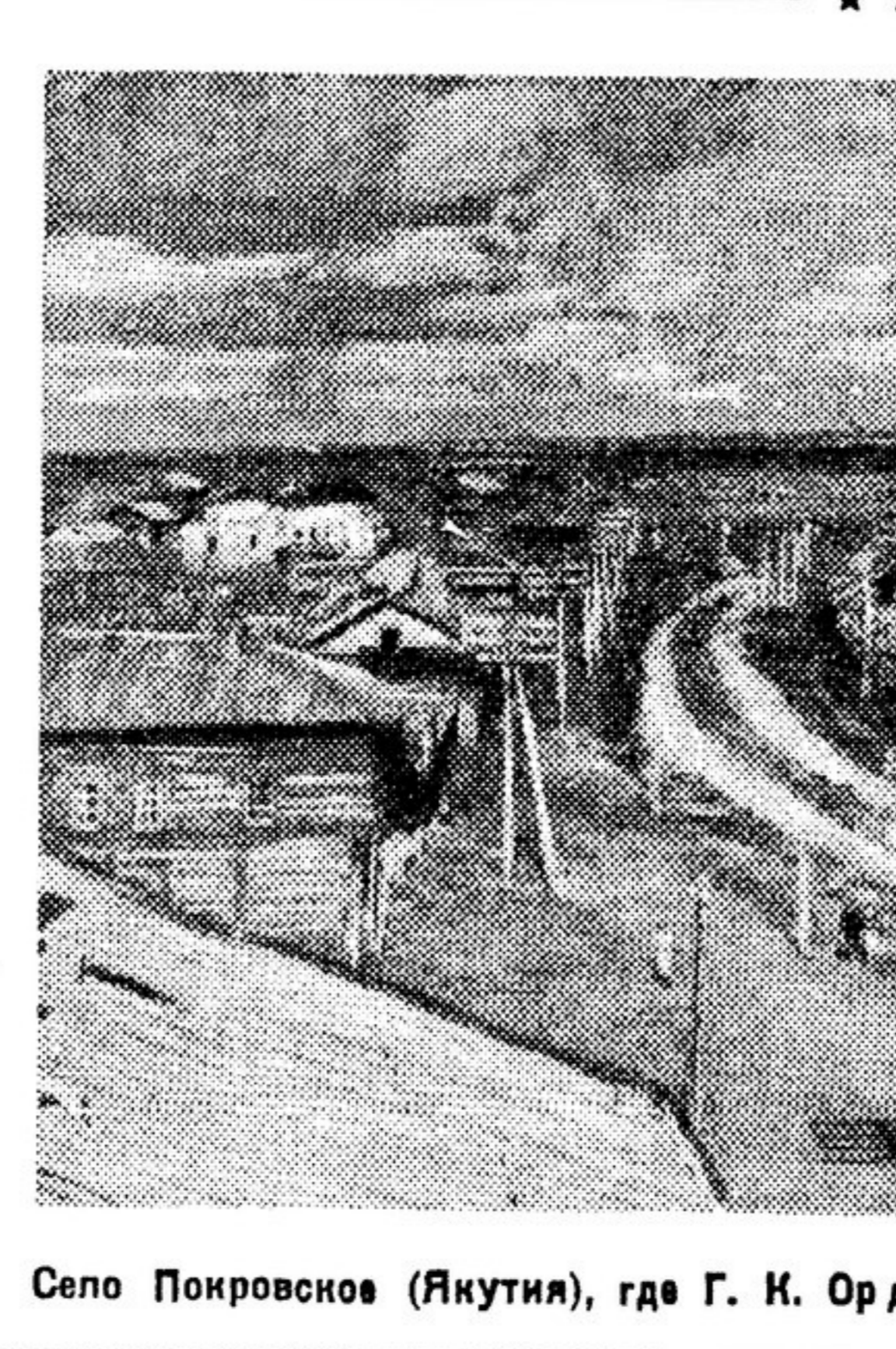
Письмо В. Г. Короленко к К. К. Бальмонту

Интересное письмо Короленко к Бальмонту приобретено недавно рукописным отделом Литературного музея.

Бальмонт, как известно, впервые выступил в литературе в конце 80-х годов прошлого столетия, и, таким образом, письмо Короленко, датированное 1886 г., является, по видимому, первым отзывом на стихи молодого поэта.

В письме Короленко отвечает 19-летнему Бальмонту, приславшему свои стихи, очевидно, с целью напечатать их.

«Мое мнение, — пишет Короленко, — у вас много шансов стать хорошим стихотворцем. На это указывает «легкость и звучность стиха, изящество форм, лиризм». Но, добавляет Короленко, «я вижу лишь хорошие задатки, но еще нет настоящего поэтического содержания [стихи, где вы берете общественные мотивы, мне кажутся холодными, и даже форма дается Вам не так легко]. Далее Короленко советует не спешить писать, а особенно печататься, прежде нужно «читать, учиться, мыслить и, что еще важнее, — жить».

Село Покровское (Кныутин), где Г. К. Орджоникидзе был в ссылке в 1915 году.

Как работать с молодыми драматургами

Ежегодная сталинская премия по драматургии и премия имени Горького за лучшие драматические произведения невольно увеличат приток пьес от начинающих авторов, работу с которыми призвана вести специальная группа комиссии по драматургии, театру и кино при ССП, возглавляемая А. М. Файко. Направление и методы работы этой группы обсуждались на днях на заседании комиссии с активом.

Подводя итоги двухлетней работы с начинающими драматургами, т. Файко затронул общую проблему воспитания молодых авторов. — Большинство писателей, — говорит он, — стоят в стороне от этой работы — одни считают ее почетной и полезной, но скучной и неинтересной, другие ограничиваются тем, что критикуют, но не помогают, а третьи отсылают к ней явно отрицательно. Но все это не что иное, как нежелание помочь талантливым молодежи.

Тов. Файко отметил большую работу, проделанную членами комиссии в прошлом, но подчеркнул критике не оправдавшие себя методы этой работы, когда почти все авторы получали в рецензиях слишком обнадеживающую оценку своих пьес, что вызвало у многих неоправданное самонадеяние.

Из 454 пьес, просмотренных за прошедший год, только около трех процентов оказались в какой-то мере достойным внимания. Такое большое количество явно не годных пьес т. Файко объясняет легкостью и безответственным отношением большинства начинающих авторов, которые берутся за драматургию чаще всего только потому, что пьесу можно написать быстро, а главное — это выгодно. Многие пьесы написаны с точки зрения законов драматургии правильно — в них есть и кульминационная точка, и завязка, и развязка, но ни в языке, ни в композиции, ни в замысле, ни в деталях построения нет ничего, что свидетельствовало бы о талантливости автора, его самобытности.

— Отсюда, — говорит Файко, — появляются те знаменитые «тематические сюжеты», которые буквально заполнили наши литконсультации, издательства, театры. Сначала это были пьесы о диверсантах, затем о клетчатках, сейчас о Западной Белоруссии и Западной Украине. И все же прошли мимо этой драматической продукции пьесы, так как за ней стоят живые люди, которые приходят с оби-

Творческий вечер С. Чиковани

В Московском клубе писателей сегодня, 15 февраля, состоялся творческий вечер поэтессы Симоны Чиковани, устраиваемый грузинской комиссией ССП СССР и секцией поэтов. Впечатлительное слово о творчестве С. Чиковани сказал В. Гольцев. Автор будет читать свои стихи на грузинском языке. С чтением переводов его стихов выступит артистка М. Д. Синельникова и поэт И. Антокольский. В. Державин, Б. Пастернак, М. Тарковский.

Хроника

* В Белостоке создан белорусский ансамбль песни и пляски. В ансамбле около 60 человек.

Руководит ансамблем известный хормейстер и собиратель народных песен Западнорусской Григорий Шарма.

* Витебский белорусский государственный театр покажет в феврале премьеру пьесы «Над Березой рекой» белорусского поэта Глебки.

Главным действующим лицом в пьесе является Серго Орджоникидзе. Эту роль исполняет заслуженный артист БССР Звездочетов.

* Поэты Переп Маркин, Э. Фининберг, С. Галкин, С. Рокин и Э.м. Казакевич перевели на еврейский язык ряд произведений В. Маяковского. В настоящее время переведены: «Облако в штанах», «Владимир Ильич Ленин», «Во весь голос», «Левый марш».

К десятилетию смерти В. В. Маяковского будет выпущен на еврейском языке сборник избранных произведений великого поэта.

* Кафедра Литературы Астраханского педагогического имени Кирова организовала сбор и научное изучение рыбалдского фольклора.

В прошлом году специальной экспедицией Института за 20 дней пребывания в рыбалдских районах было собрано 2000 песен, стихов, рассказов, частушек, поговорок и поговорок.

У колхозника села Федоровки А. В. Кокушкина было записано 100 старинных и новых сказок и песен.

В селе Капустин Яр записан редчайший вариант народной песни «Лодка», в которой главным действующим лицом является Степан Разин.

* 25 февраля в Центральном доме работников искусств состоится торжественное заседание, посвященное 10-летию клуба работников искусств.

Центральный дом отмечает свой десятилетний юбилей своей ветвью — творческих рапортов мастеров искусства: О. Л. Книппер-Чеховой, В. И. Качалова, А. С. Пирогова, А. А. Яблочникова, И. С. Коалдовского и других.

* До последнего времени в литературно-художественных журналах Грузии не было редакционных коллектив.

Президиум ССП Грузии образовал новую редакционную группу «Митоб» в составе А. Машавадзе, И. Мосашивили, Ш. Дадияни, К. Лордкиянидзе и К. Коладзе. Редактором утвержден А. Машавадзе.

В редколлегию журнала «Ювени Таоба» вошли С. Чичоани, Л. Кучаели, С. Зули, С. Клышавили и Пенашвили, который редактирует журнал.

Утверждена также редколлегия газеты «Литератури Сахатпеш» в составе Ш. Радияни, Г. Леонидзе, Натрощви, Цукундзе и И.р. Абашидзе. Ответственным редактором — Ш. Радияни.

Столетие первого издания «КОБЗАРЯ»

Традиционные шевченковские дни (9 марта 1814 г. — день рождения, 10 марта 1861 г. — день смерти) в этом году совпадают со столетием выхода первого сборника Т. Г. Шевченко — «Кобзарь». Цензурное разрешение на этот сборник 8 стихотворений Шевченко было дано 12 февраля 1840 г., сама же книга вышла в марте.

Столетие выхода в свет первого «Кобзаря» будет широко отмечено советской общественностью Украины.

Отмечая эту памятную дату, Институт украинской литературы Академии наук УССР созывает в апреле научную сессию. Сессию откроет академик И. Тычина докладом «Сто лет «Кобзаря». О первых изданиях «Кобзаря» следует доклад академик М. Возняк (Львов), о значении «Кобзаря» для Украины в 60 гг. XIX столетия — академик К. Студинский (Львов), о влиянии «Кобзаря» на народы Востока — известный ориенталист, академик А. Крымский (Киев), о влиянии Т. Г. Шевченко на западноевропейские литературы — академик А. Белецкий (Харьков).

Писатель Д.м. Косарик выступит с докладом «Кобзарь» и Максим Горький, доктор И. Стебун — «Кобзарь» в украинской и русской критике до 70 годов прошлого столетия», директор Института украинской литературы г. Величков — «Кобзарь», болгарская и сербская литература, научный сотрудник г. Копичи — «Значение «Кобзаря» в истории украинской литературы XIX столетия».

Подготавливаются также доклады на темы: «Кобзарь» и грузинский писатель Акакии Церетели, «Первые иллюстраторы «Кобзаря», «Кобзарь» и творчество украинского композитора Микола Лисенка, «Юбилейные издания «Кобзаря», «Кобзарь» в русских переводах».

К сессии готовят коллективные музыкально-поэтические произведения «Слава «Кобзарю» поэты-кобзаря: Мовчан, Купчинер, Ивашченко, Носач, Перельберг, Литвиненко и Шпичняк ГРОМ.

А. А. Канчев

Умер Анатолий Александрович Канчев, старый большевик, великодушный организатор, прекрасная душа человек.

Последние годы его жизни прошли на работе в Институте мировой литературы им. А. М. Горького, где он был заместителем директора. Быстрым ростом институтом, организацией музея и архива А. М. Горького, первые шаги работы с аспирантами, наконец, большое хозяйство института — все это во многом обязано знаниям, опыту, трудолюбивости А. А. Канчева.

Обязательная простота, честность, исключительная прямота — вот характерные черты личности Анатолия Александровича, которые хорошо знали все близкие товарищи, давно знавшие его, и которые сразу привлекали к нему научных и технических сотрудников, только начинающих с ним работу.

Преподаватель средней школы до Октябрьской революции, А. А. Канчев с первых же лет великого Октября посвятил себя строительству советской высшей школы и научных учреждений. Он работал несколько лет в Центральном совете секции научных работников, был заместителем начальника Главнауки, председателем Центрального бюро краеведения. Широкие массы научных работников всего Советского Союза помнят и знают эту работу Анатолия Александровича.

Его излюбленный путь — путь честного советского труженика — послужил примером молодому поколению строителей социализма.

И. Луппов, О. Ю. Шмидт, Г. Кржижановский, А. Ферман, И. Мещанинов, П. Лебедев-Полянский, Н. Гудий, М. Серебрянский, И. Анисимов, Д. Благой, В. Кириотин, К. Зелинский, М. Венгров, И. Пономарев, С. Туманов, С. Симовский, Е. Розмиков, М. Голосверкер, П. Коган, Ю. Милоп, Э. Глатман, Ванюшин, С. Голубина, Л. Кривоноса, В. Федорова, А. Михайлов, В. Евинина.

Извещение

17 февраля в Клубе писателей состоится очередное производственное совещание колхозников. Приглашаются члены всех секций.

Редакционная коллегия: В. ВИШНЕВСКИЙ, А. КУЛАГИН (отв. редактор), В. ЛЕБЕДЕВ-НУМАЧ, М. ФАДЕЕВ, Е. ПЕТРОВ, Н. ПОГОДИН, А. ШИШЕВ.

Ученый совет, ПАРТОРГАНИЗАЦИЯ И МЕСТНОМ ИНСТИТУТА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМЕНИ А. М. ГОРЬКОГО АКАДЕМИИ НАУК СССР

с глубокой скорбью извещают о смерти заместителя директора Института, чл. ВКП(б)

Анатолия Александровича КАНЧЕВА

последовавшей 12 сего февраля и выражают соболезнование его семье.